

Андрей Туркин

Точка сингулярности

•
[о природе
физических
тел]

поэтическая серия **илуба «проект о.г.и.»**

М О С К В А 2002

ТОЧКА СИНГУЛЯРНОСТИ

андрей туркин

АНДРЕЙ ТУРКИН

андрей туркин
точка сингулярности

АНДРЕЙ ТУРКИН

ТОЧКА СИНГУЛЯРНОСТИ
(0 природе физических тел)

поэтическая серия клуба «проект о.г.и»

О·Г·И

Москва 2002

ББК 84-5
Т88

Туркин А.

Т88 Точка сингулярности (О природе физических тел). — М.: ОГИ, 2002. — 160 с.

ISBN 5-94282-062-7

© А. Туркин, 2002

© Клуб «Проект О-Г-И», серия, 2000

© ОГИ, текст, оформление, 2002

Имя жанра

«Я родился в бочке под забором. Наибольшее влияние на меня оказал медицинский юмор. Литературные ориентации на первом этапе мое го творчества отсутствовали, на втором присутствовали Козьма Прутков, Григорий Сковорода, протопоп Аввакум, Эдуард Асадов, Андрей Белый, Александр Кайдановский (как Степлтон в “Собаке Баскервилей” и как режиссер “Сада расходящихся тропок”), БСЭ, Олег Григорьев, хиппи, панки, наркотики и наркоманы, еврейский вопрос и русская идея, коммунисты, роман “В поисках озокерита”, Лев Овалов, иностранцы, оправдательный приговор, вынесенный мултанским вотякам, которые из религиозных соображений съели в начале века нищего Матюнина. Третий этап ознаменовался потерей всяческих ориентиров и депрессивной энтропией сознания, что выражается в желчи, разлившейся по телу и по прозаическому тексту, которым занимаюсь в настоящее время».

Эта замечательно краткая автобиография принадлежит поэту Андрею Туркину, и можно поручиться, что все написанное в ней правда. Только это правда, не во всем совпадающая с фактическими обстоятельствами. Вот эти обстоятельства.

Андрей Валерьевич Туркин родился в 1962 году в городе Москва (и хвалебную оду этому событию можно прочесть в книге на странице 34). В 1982–1985 годах учился в Московском университете на отделении русской филологии, но был отчислен за хулиганство. Работал санитаром, рабочим, продавцом газет, инкассатором, консультантом по современному советскому искусству. Этот нетривиальный перечень взят нами из составленной им самим анкеты и достоверен настолько, насколько достоверны все сведения, сообщаемые о себе человеком, в чей состав наравне с плотью и кровью ощутимо входят искусство и артистизм.

Туркин был артистом оригинального жанра. Этот жанр носит его имя и фамилию. Не часто случается увидеть автора, чья врожденная яркость понятна с первого же взгляда, с первого сло-

ва и жеста. Любой жест казался настолько естественным, что сразу вызывал доверие, а каждый следующий такое доверие подтверждал и оправдывал. Это заставляло в первую очередь восхищаться органичной, «стихийной» одаренностью молодого поэта и только потом, много позже, размышлять о его замечательной литературной изощренности. Между тем неясно, что же там было первым, в этой очереди. И изощренность, и точный стратегический расчет существовали, видимо, всегда, но сначала их трудно было разглядеть: они находились не там, где обычно находятся. Кроме того, слова «стратегия» или «расчет» требуют здесь того же рода кавычек, что и определение «стихийный». А вот соединять их можно, уже не закавычивая.

Даже в частном разговоре Андрея ответственные и важные слова отыгрывала стирающая всякую серьезность гримаса: губа выпячена, брови кривым домиком, только взгляд внимательный, осветленный охотничий. Примерно то же происходит в его стихах.

В каких-то случаях (крайне редких) авторство входит в человеческий состав как будто без сопротивления. Человек и стиль становятся единым целым, и уже неясно, кто кому диктует условия. Требования, предъявляемые стилем, были ясны: переход границ, пограничные ситуации. Но и в частной жизни полагалось не бояться опасности, подпуская ее к себе так, что ближе некуда. Опасность вилась вокруг Андрея, ходила кругами, и всякую мысль о нем сопровождала смутная тревога. То, что все было неспроста, подтвердилось в самый темный день 1997 года 22 декабря.

Настоящая книга наиболее полное собрание произведений Андрея Туркина. В нее включена и проза или то, что можно так условно назвать, потому что индивидуальность автора видовые различия между прозой и поэзией обращает в жанровые.

Основные прижизненные публикации: альманах «Латинский Квартал» (М., 1990) и книга «Общее дело» («ИМА-Пресс», М., 1990). Стихи именно из этой книги составили первую часть нашей.

М. А.

1

***

Слабая, словно больное растение,
Меж деревьями тугими, ветвистыми
Шла комсомолка по лесу весеннему
И повстречалась в лесу с коммунистами.

Время прошло, а на месте их встречи
Бьет чудотворный, целебный родник.
В знак чистоты, совершенства сердечного
Здесь, на советской земле, он возник!

***

Посмотришь на небо там звезды одне.
Мне солнце на небе напомнят оне.
Кому-то напомнят оне, может быть,
С разорванной ниткой жемчужную нить,
Кому-нибудь срез дорогой колбасы,
Песочные кто-нибудь вспомнит часы,
И даже стакан представляется мне,
Но взглянешь на небо там звезды одне!

***

Купил я Ленина карманного
И, как читал его, читал,
Из парня злобного и странного
Простым и добрым парнем стал.

Из параноика презренного
Я тихим стал, что мышь твоя.
Когда куплю его толстенного,
Каким-то парнем стану я?

***

О, как мне дорог центр города,
Где Долгорукого рука
Как будто ищет Маркса бороду,
Но не найдет ее, пока
За ним следят глаза Дзержинского,
Дома пронзая, как врага.
И тщетно ищет исполинского
Коня послать его нога!

***

Здравствуй, дедка дорогой!
Кожа дряблая твоя,
Не снести, не показать,
Не использовать нигде!

***

Что-то сверкнуло над нами!
Что-то сверкнуло, чему б это быть?!
С острым концом и двумя сторонами,
Что-то сверкнуло, и нет его ыть!

***

Не понимай слова. Не стоит.
Не стыдно слов не понимать.
Они солдаты на постое.
Они грубы, ядрена мать!

И как солдаты на постое
Стремятся девок обнимать,
Так и молчание простое
Все та же речь, ядрена мать!

***

Она ломала коржик!
Но коржик не ломался!
Тогда столовый ножик!
Ей на глаза попался!

Она схватила ножик!
Поставила на коржик!
На ножик надавила!
И коржик разломила!

***

Она стыдливо прошептала,
Губами шевеля едва,
Здесь очень много, дай мне мало,
Здесь целых три, а надо два!

Возьми все три, сказал я строго,
Придвинув их концом ноги,
Я дал тебе не слишком много,
Один себе побереги!

***

Бывало, дернешь за чеку,
Лимонка разорваться рвется,
Но ты держишь на ней руку,
И ничего с ней не деётся!

1

Дедушка, старенький наш,
Расскажи, как жилось при царе вам?
Плохо, детишки, жилось,
Что вам еще и сказать?

2

Взглянешь на небо порой,
Кажется сколько там звездок?
А обернешься вокруг
Все это бред и обман!

Бытовая сцена

Что я натворила? Чем я виновата?
Почему любимый смотрит укоризненно?
Я не своровала камня в сто каратов;
На крыльце увидел тела два безжизненных.

Чьи тела?

Любимый!

Отвечай, любимая!

Что же я отвечу, милый, дорогой?
Двери отворила я в ночь непроходимую,
Слышала стучишься ты, глянула другой.
А за ним еще один, да глаза горят,
На крылечке толпятся, «здравствуй», говорят.

Значит, поздоровались. Дальше расскажи!

На ремни я глянула, а в ремнях ножи.
Говорят, запутались, пустишь, говорят.
Я перепугалась: «Да вы что, ребят?
Милый мой воротится.
«Милый?» говорят,
За ножи хватаются. «Да вы что, ребят?»
Уж ножи поблизости, думаю умру,
То-то ты спохватишься, воротясь к утру,
И руками цепкими морды их взяла
И парней запутала в два морских узла,
И ножи-то кой-где полоснули в них.
В ту минуту страшную гнев во мне затих.
Опустила бедных их замертво лежат,
И крыльцо кровавое сами сторожат.

Я привез подарочки, кой-что из вешшей,
Для тоби, коханая, камень в сто карат.
Накорми, хорошая. Каши! кислых шшей!
Что до них касается, то я тильки рад...

Сказка про рыбака и русалку

Вот, ничем не беспокоясь,
На краю пруда
Рыбачок стоит по пояс,
В кулачках уда.

И ничто уду не тронет
Под водой за лесу.
Он вот-вот уду уронит.
Вдруг разнесся плеск.

Вот, пронзая воду, воздух,
Длинная рука
Рыбаку схватила ноздри,
Щиплет рыбака.

Кто меня рукою тычет?
Чья-то стану я добыча?
Что я червячок?
Чей во мне крючок?

Вот вода ему явила
Женщины куски.
Не она ли придавила
У сапог носки?

Что-то будет, что случится?
Так остры ее ключицы,
Пальцы сини так и тонки,
Между ними перепонки,
И концы ея грудей
Не совсем как у людей.

Чтобы не цеплялась,
Вот ей удой, на-ка!
Она от боли закривлялась,
Ее глаза тоской заплакали,
И перед ним уже, как палка,
С прямым лицом плывет русалка.

Его дрожали ягодицы,
Отбросив с рыбою кошел,
Рыбарь смочил виски водицей
И тяжело на берег взошел.

...

Он ее не раз вспомнит,
Словно брат сестру.
Сердце дрогнет и увянет,
Как листок в костру.

Станет, станет жечься воздух,
Станет влечь вода,
И пойдет рыбак под воду,
К рыбам навсегда.

Там спокойно и не жалко,
Сердце не болит.
А над ним его русалка
Ручкой шевелит.

Так, рыбарь, всегда бывает,
Справедливый Боже,
Кто обижен заживает,
Кто обидел тоже!

Сказка про князя Галицко-Волынского

Из лесной прогулки
Ехал в Галич князь.
На седле в мешке ко втулке
Приторочен язь.
Белки приторочены
К поясным ремням.
Смотрит, на обочине,
Лютик ножкой мня,
Восставала девица,
Как бы говоря:
Все теперь изменится,
Все не будет зря,
Как бы выбрось мелкого
Мертвого язя
И ненужных белочек
Выбросить нельзя ль?
Спешиться и ближе
Можно ль подойти?
Князь травинку лижет
Рваную в пути,
А глаза помчались
Женщины насквозь,
Словно в их начале
Был устроен гвоздь.
И глаза рисуют:
Ближние кусты,
Князь цветочек сует
Девице в усты,
И в цветок целует
Трепетанья в знак
И цветочек сует
Девице в кулак.

Вдруг он смотрит:
Нет середки,
Нет одной ноге.
Задрожала плетка
В князя сапоге.
А девица тает,
Как бы говоря,
Что уже не знает,
Зря или не зря.

Голова монарха
Мыслями сочится.
На попоны бархат
Им натечь случится,
Но одна мыслишка
Всплыла, словно палка:
Все сомненно слишком,
А хотя и жалко.
А хотя в пустое
Что цветок совать?
И решил простое:
Травку оторвать
И скакать в столицу,
Как бы говоря:
Все само решится
Зря или не зря?

ПЕСНИ

I

Сидят два мальчика,
Красивых мальчика.
У них пирожные,
У них вино.
Ах, сердце девочки
Забеспокоилось,
И на уме ея
Таперь одно:

Цыганский хор:

Земля не круглая,
Не квадратная.
Она как рюмочки
В мужских руках.
Я словно капельки
Вина прыятного
Дрожу на рюмочках,
На ободках.

Мальчишки скушали
Бисквиты с грушами,
Доели каперсы
И выпили вино.
Срубили деревце,
Схватили девицу,
И на уме ея
Таперь одно:

Цыганский хор:

Земля не круглая,
Не квадратная.
Она как рюмочки
В мужских руках.
Я словно капельки
Вина пррятного
Дрожу на рюмочках,
На ободках.

2

Я бежала, ах, бежала
Дпо сырой траве.
Ты убит змеиным жалом,
Двесь кадык в крове.

Я присела, ты приподнялся,
Руки протянул.
И вот так со мной обнялся,
И вот так нагнул.

А шли цыгане, а шли цыгане,
А шли цыгане стороной:
Цыган большой с ножом в кармане
И с кистенем цыган меньшей.

Цыган, цыган большой, попробуй
Его мне руки отсеки!
Его любовь ведет ко гробу
Моим желаньям вопреки.

И он отсек, и я осталась,
И стала песню эту петь,
Чтобы никто не целовалась,
Не целовала трупа впрядь.

3. Плясовая

— Девоньки-девчошки,
    девчошки-пошшибошки,
Где же вы не видели Ваню-усача?
Где же мы не видели
    Ваню Чудатного?
Вон звезда на небе светит
    Это Ваня Чудатнов!

4. Песенка-Напевалочка

У тебя нет руля.
Есть только паруса.
А еще есть руль,
А еще есть руль,
Одноглазка моя!

5

И горя щеками яркими,
И с узлами синих жил,
Ты, наверное, дояркою,
Я бы конюхом служил.

Мы украдкою от барина
Спать бы шли на сеновал,
Где тебя бы до испарины
Я любил, я целовал.

Хопа, хопа,
Я любил бы.
Хопа, хопа,
Целовал.

Но, забыв про обещания,
Нас не женят до сих пор...
Я в турецкую кампанию
Сдан был в рекрутский набор.

И, разрублен вражьей шашкою,
Из-под груди теплых тел,
Обернувшись легкой пташкою,
Я к тебе бы полетел.

Ех-ма, тру-ля-ля,
Я к тебе бы полетел!

Только ты хозяйской волею
Отдана за кузнеца.
И сама как есть довольная
Улыбаешься с крыльца.

Только вечер, ночь ли длинная,
Где девался твой покой?
Отчего так соловьиная
Трель наполнена тоской?

Трам-терьяри, тари-тари,
Трель наполнена тоской!

Оттого ли, что ты подлая,
Оттого ли, что подлец,
Всё платки, сапожки модные
Покупал тебе кузнец?

И до утра ходишь-маешься,
Плавя попусту свечу.
Ни за что не догадаешься
Это я тебе свищу!

Саньдери берияси,

Хоть яси тпру-тпруньки,
Это я тебе свищу!

6. Девичья песня

У деревьев кора для защиты,
А у тополя пух для любви.
Ой, напрасно меня не ищи ты,
И с собою в кино не зови!

У ромашки всего лепесточков,
Только в поле она не одна.
Наш роман довели мы до точки.
Вот обложка его и цена.

Частушна

Ах, ты! Е... Москва,
Е... столица!
Лучше где-нибудь в п...
Чем в тебе родиться!

ЛЮБОВНЫЕ СМЕРТОУБИЙСТВА

1

Не ходи, мой милый, милый!
Не бросай меня одной!
За стеною воздух гнилый,
Две могилы за стеной.
Две могилы парень, девка.
Он встречал ее с издевкой,
Но коса вошла по древко
В подпоясанный веревкой
Молодца тугой живот.
И, научен силой высшей,
Девку манит церкви свод.
С перекладины повисшей
Отыскал ее народ.

Не ходи же, милый, милый!
За стеною воздух гнилый.
Или с утренней росой
Я убью тебя косой!

2

Стрелялись мы с любимым другом,
Стоя, как штырь, на высотах.
Лежала ниц земли округа.
Лавировал меж нами птах.

В меня раздался выстрел вдрух,
И, как в скворешню,
Влетела пуля между рук,
Как дрозд корешневый.

И пала я невинной жертвой!
Полет фруктовых плодов
Земли уже коснется мертвый.
И вскрикнул он: «Она готов!»

3

Входи, входи, желанный,
В мою сырую дверь.
С мороза воздух странный
Ты чувствуешь теперь?

Я накурила травы,
Я надушилась вся,
Любовныя отравы
В себе тебе неся.

Я напоила ядом
Домашние цветы.
Ты наклонишься рядом
Уже отравлен ты!

Так, от ногтей мизинцев
И до концов волос
Ты станешь мне гостинцем,
Который сам принес.

4

Вот расстались мы с тобою.
Смеркся день. Взошла луна.
С простреленной головою
Я лежала здесь одна.

Пуля, что в меня влетела,
Кости черепа кроша,
Принимала форму тела,
Словно страстная душа.

Прорастали тело травы,
Превращалось тело в ствол.
Я не мертвая, но, право!
Я живое существо!

Приходили дроля с девой,
Прилегли на ствол.
Я не древо, я не древо,
Я живое существо!

Что причина? Страсть ли, похоть,
Полюбил княжну.
Я возьму тебя за локоть
И его сожму.

Хрустнет кость, пройдет улыбка,
Крик раздастся твой.
Ах! Желания так зыбки!
Дроля, что с тобой?

Такая любовь

Сегодня так ночью прозрачно,
Как только однажды в году.
И встреча с любимой назначена,
Но я ни за что не пойду!

Она ведь с обрыва не бросится
И нож не возьмется точить,
Но вежливо в гости попросится,
Чтоб чашкой по лбу получить.

А я не любитель чаевничать!
Мне любо, как звезды горят,
Которые в полдень и полночью
Со мной о любви говорят!

***

Искать и находить ей рот.
И долго целовать искомое.
Не шевельнется мой Эрот,
Обезоруженный истоמוю.

И целовать ей просто так,
Избегнув страстного движения,
Бежав ответа. Только в знак
Стыда, любви и уважения.

***

Гой-ты-еси, наковальня!
Наковальня брачная!
Наша кузня наша спальня!
Спаленка призрачная.

Ты искрилась и летала,
Истерзав цветной платочек.
Ты моя кусок металла!
Ты мой дерзкий молоточек!

Гой-ты-еси, наковальня,
Наковаленка!
Есть большой кусок металла?
Будет маленький!

***

То было в яркий летний день.
Хоть и нечаянно, но твердо
Ты наступила мне на тень.
Она легла часу в четвертом.

По ней ты движешься ко мне.
Твоя стопа на все готова...
И... Состоянье это ново...
Но три шажка и тени вне,

Ладонью прикрывая губки,
Ты, улыбаясь, ходишь мимо.
Как тяжелы твои поступки!
Как тень моя тобой томима!

***

Ты нагнулась над речкой с тазами,
Я напротив траншею копал.
Мы с тобой обменялись глазами,
И намек между нами упал.

Ты сказала: «Солдат, я нагнулась,
Ты же смотришь так метко и колко,
Что сорочка из рук утонула,
Словно мне уколола иголка!»

А над нами двойными кругами
Черный вран невесомо кружил.
И, влекомый твоими ногами,
Я на воду бревно положил.

И в тебе есть подобная речка,
И во мне есть такое бревно...
Встало солнце. Просохло крылечко.
Ты выглядываешь в окно,

Но меня под окошком не видно.
В это время я лягу поспать.
Ах, как радостно мне и обидно
Остальные траншеи копать!

Восточное

Закрылся свод небес иранских,
И, по законам басурманским,
Всё мусульман в гарем-сарай
Влечет наполниться до края
Опустошенный страстью низ.
Ночные звезды принялись,
И слышит евнух лишь один:
«Меня! Меня, мой господин!»

***

Ты рисовала ручкой
На клетчатом листе
Две сдвоенные штучки
При лапах и хвосте.

И не осознавала
В невинной простоте,
Что ручка рисовала
На клетчатом листе.

Но вдруг тебе предстала
Картинки простота.
Как быстро ты скатала
Комочек из листа.

И полетел комочек
Через окно в кусты,
И снова на замочек
Замкнула сердце ты.

***

Видишь? По комнате девица мечется,
Будто бы в ней распознали разведчицу.
Вдруг остановится, дверью задетая.
Думает, думает: «Что-то я? Где-то я?»
То вдруг опомнится рядом окна,
Словно кто кликнул ей: «Ты влюблена!»

***

Они были юны, они повстречались
На жарком причале глубокой реки.
Восторженно чайки им что-то кричали,
О чем-то приветно флажками качали
С прохожих судов моряки.

Недолго стояли они на причале
И нет уже юных, что были вначале,
Но зрелая пара стоит на причале,
Исполнена легкой нездешней печали...

Подражание Афанасию Фету

Ты, бляя, захлебнулась собой.
О, какими смотрел я глазами,
Как ты сопли под нижней губой
Развезла по лицу волосами.

«Ты напрасно напилась в свинью,
Произнес я, бледнея.
Ведь кокетство тебе извиню,
А вот рвоту забыть не сумею!»

Отрывок

И я подался на дорогу,
Какая за город вела.
Морозный воздух тело трогал.
За город двигались тела,
Проказой тронуты жестокой.
Увы! Свободна и светла
От водостока к водостоку
Неуправляемым потоком
Вода кровавая текла.
И я летел, влачился, шел,
Умен собой и телом страшен.
Я ждал, в душе, кровавых брашен...

***

Моя тоска была остра,
Как языки костра.
Китайской казнью прорастал
Меня животный страх,
И, познавая сердцем боль,
Я головой поник.
И падала сухая моль
Ко мне за воротник.
А птицы чирк по небу, чирк!
Как будто спички.
И, как горит метеорит,
Сгорали птички.
А птицы вжик по небу, вжик!
Как будто пули.
Когда нам дали эту жизнь,
Нас обманули.

***

Светит солнце, греет землю,
Ночь прошла, встречай рассвет.
Я проснусь ли, пищу съем ли,
В сердце кровь, покоя нет.

Мать-природа! Что хотела
Этим словом ты сказала?
Сердце бьется так несмело,
Голове дано так мало.

Ручкам свойственно кончаться,
Глазки косеньки и подслеповаты.
Ничему не получаться!
Если кто и виновата, то ты...

||

На серебряных цепочках
Виснут стайей якоря
Море пристань
Три денечка
Три цветочка
Это зря
Это зря и то и это
Уплыву куда глаза
Унесусь я без привета
Улечу как стрекоза
Сяду где-то на болоте
Скоро осень
Скоро снег норы лисьи занесет
Отчего скажи мне
Друг
Я не знаю как нам жить

Это солнечные струи
Льются в люки влажных глаз
Нежных глаз волна касаясь
Сети пены заплела
И в силках ты долго билась
Жалась жаловалась.
Так
Для кого-то этот свет
Для кого-то света нет.

Тук-тук, тук-тук,
Стучится и стучалось
Так часто сердце у меня.
И этот звук,
Уж так мне показалось,
Похож на гостя стук.
И что ж? Не раз случалось,
Услышав по стеклу: тук-тук, тук-тук,
И долгожданное, и вдруг,
Мне замечать, как сердцем повторялось
Все то же тук, все так же тук,
И через миг окошко отворялось,
А там и дверь, а в ней и друг,
А в нем такой же сердца стук.

Да, он не я, а эта малость
Сулит вражду и позже жалость,
И застучат вразрез сердца,
Хоть одновременно умели.
Уж лучше б вовсе не имели
Мы то, привыкли чем стучаться.
И то, в чем стуки повторяются.

***

Голубыми синяками
Ты больной куда-то смотришь
Словно смотришь на кого-то
Словно это он виновник
По его вине когда-то
Обернулось все вопросом
Как могу тебя понять я
Если это он виновник
Если ты жуешь губами
И не смотришь никуда?

Вот он потный и больной
Затаив стоит дыханье
Взгляд шальной чертит по небу
Словно слышит бормотанье чье-то свыше
Чье-то свыше обращенное к нему
Вот и я шальной глазами
Прочертил черту во тьму
Только так и не пойму
Чье он слышит бормотанье

Накая разница в кого?
Не важно ли, что я влюбленный,
Хоть избегаю одного
Любви предмет овеществленный.

Ко всем на «вы», со всеми ласков,
Я пленник истинной любви.
Лишь ты на «ты» меня зови,
Моя легенда! Песня! Сказка!

Ты неземная! Я земной,
Был полон корысти и злобы.
Ну кто бы справилась со мной,
Меня понять могла, ну кто бы?!

Лишь та, кто так, как ты, проста.
Лишь та, кто не желает в тело
Вместить себя. О! Я восстал!
О, я разрушу тело смело!

О, мне не надо ягодиц,
Не надо грудей, щиколоток,
Не надо полных страстью лиц.
О! Я отныне нежен, кроток!

И раз тебя, моя любовь,
Я полюбил, я уничтожу
Себя совсем, себя готовь.
Я бестелесным стану тоже!

***

Гореть глазами
как два костра
внушая женщине любимой
боязнь и сексуальный страх
но и влечение неистребимое

***

Прозвенели часы
Било полдень опять
Ладно ладно не спи
Днем не хочется спать

Мы сегодня одни
К нам никто не придет
Нас никто не поймет
Нас никто не проймет

***

Уходите тучи
Замолчите листья
По стеклу подъезда
Дождик не стучи

По приметам точно
Дни идут получше
Нам не будет тошно
Нам не будет скушно

***

Еще мне долго будет сниться,
Когда манерно шляпку сняв,
Жесткосердная девица,
Как ты взглянула на меня.

Так всматриваться напряженно
Способен лишь артиллерист
Совместно с пушкой заряженной
В места, где прячется фашист.

И я перед тобой повинен,
Я на тебя смотрел в упор,
Как смотрит, приближаясь к мине,
Чтоб разминировать, сапер.

***

Н голове моей прибывает,
Бьется грустное море грузин,
Так, любви нашей черные сваи
В землю входят и выхо... незримо.

Кошка Всегда и кошка Никогда,
Дочка мамкина, дочкина мать.
Как испортили персы погоду!
Как накрыли на ужин наш скатерть.
Я ласкал твою Всегда, Никогда,
Забываю, пытался ласкать,
Отличаются кошки и воблы,
Но мне нечего, нечего тратить.

***

Дышу ли я салатом мирным,
дышу ль подливою грибной,
а все ж мне с запахом эфирным
не распротиться, милый мой!

Тот запах, словно амплитуда,
Как будто фаза волновая.
Так сколько раз волна верблюда
Засасывала, словно сваю?

***

Молчать и курить папироску
чуть позже в приятном волнении
посикать в кукушкины слезки
покакать в каштаны олени
все больше сливаясь с природой
как дикие звери мочиться
собака я дикой породы, кабан я, и волк, и волчица

Предложение

Вам царапнув щеку гвоздем,
Я волнуюсь, узнавая,
На щеке по крови грозди,
Что вы вся внутри живая.

Что холодной вашей кожей
Прикрывается брожение.
И напором, крови дрожью
Вы приводитесь в движение.

Я же двигаюсь иначе.
Все во мне рычаг и жилка
Так, свою работу пряча,
Чистит зерна молотилка.

Так примите предложенье
Нам семьей объединиться,
Ведь различные движенья
К одному стремятся слиться!

***

Столбик на поляне это заяц.
Колобок на ветке это сов.
Я пишу письмо тебе, родная,
Из далеких муромских лесов.

Мне сковала сердце древесина.
По спине струится борода.
Проросла сквозь грудь мою осина.
Руки в телефонных проводах.

Я хотел нести тебе гостинец,
Мармелад на спелых пирогах,
Только даже смелый пехотинец
Не пойдет на сломанных ногах.

В небе злая кошка пролетела,
И конец осины вран качает.
До свиданья, мусорная крошка.
Я чужой навек тебе, прощай!

***

Когда в любви возникла трещина,
Не говори, себя беля,
Что виноват не ты, а женщина,
Себе спокойной жизни для.

Не говори она виновница
Твоих душевных передраг,
Но терпеливою любовницей
Теперь и ты под трудность ляг.

И в результате неперменных
Твоих и трудностей объятий
В тебе возникнут сокровенные
И неперменные понятия.

Ну, например, что в жизни каждого
Такой наступит жизни час.....

.....
.....

***

Бывало подлость совершаю
как вдруг всего меня внутри
свой вопль совесть оглашает
я все жива еще смотри
она с намеренной угрозой
перстами сердце шевельнет
то коготком его кольнет
а то глаза наполнит слезой
и я подлец уже вполне
а радостью наполнюсь все же
я негодяй не просто нет
и человек хороший все же

***

Кружился, кружился мартовский снег
Последний привет зимы.
Я помню, тебя на каток я влек,
И вот оказались мы

Среди тьмы ночного катка,
А на льду различимо пока
Ее крови пятно и след,
Уводящий в цепочку лет.

Через эти года на поверхность льда
Проступает кровь иногда,
Что сочилась из теплых и мертвых губ,
Когда по катку тащили мы труп.

Ты сказала: эта стерва мешает нам.
Я ответил тебе: О, да!
Я тебе эту дрянь на ремни отдам
И останусь твоим навсегда.

Эта стерва и дрянь по оврагам гниет,
Как и следует, впрочем, гнить.
Только ты мой друг и любви привет.
Ах, да что говорить.

Возьмешь с собой!

Кушай, милый, суп перловый,
Вот на третье кренделек.
Потому что, бестолковый,
От меня ты так далек.
Помнишь, в горнице сидели,
Посеред страстной недели?
Ты коней загнал четверку,
Упустил свою актерку.
Забросать тебя хотелось
Злыми колкими словами,
Только все куда-то делось,
Лишь коснулись головами
Мы подушки белой-белой.
Я казалась смелой-смелой,
Ты казался близким-близким,
Потолок казался низким,
Только все куда-то делось,
Лишь поутру развиднелось.

Кушай, милый суп перловый,
Кушай сладкий кренделек.
Ты отравлен! Бестолковый!
Ядовитый уголек
Разожжет тебе сердечко!
В петлю я свяжу уздечку
И над местом, где ты лег,
Вдруг забьюсь, как мотылек.

***

Я боюсь твои острые взоры,
Как похожи они на ножи.
Ты на мне вырезаешь узоры,
Но какие узоры, скажи!

Вот задел ты и сердце, и шею,
Поднимаешь глаза на глаза,
И на мне вырезаешь лилею?
Но не хочешь ни слова сказать.

Или ты вырезаешь невзрачных
Голых ивовых прутиков куст?
Оттого я как воздух прозрачна
И ножей твоих острых боюсь.

Что намеренно неторопливо,
А разрежет теперь лезвие
Не лилею, не прутики ивы,
Но влюбленное сердце мое.

Плач Иезии

В цветных камнях, в наряде дивном
И даже в поисках утех,
Ты знаешь, я себе противна,
Как я имела тяжкий грех,
Как я была самоубийца,
Мне страшно Страшного суда.
Мне даже тяжело молиться.
Увы, мне грешной, и куда?
Где ни взгляну кругом приметы
Моей иссушенной души.
О, где отдохновенье, где ты?
Хотя бы чем я, разреши!

***

Куски любви. Ее кусочки
Лежат на камнях мостовой.
Буквально, словно оболочки,
Вот, от селедки бочковой.

Они лежат на скальных плитах,
Они везде, везде, везде,
На черноземной борозде
Между семян они зарыты.

Ходил я голым по паркетам,
Когда она была цела.
Я б и теперь еще... Да где там!
Ушла. Расшиблась. Умерла.

***

Я видела известного поэта.
Он, чтобы впечатленье произвести,
Старался спорных истин много несть.
Или любясь над посадкою берета
На молодой девичьей голове,
Или играя со стаканчиком кларета,
Произносил три фразы или две
О том, как мне идет моя одежда,
О том, как я стройна и молода,
И что лишь на меня его надежда,
И я поэту отвечала чаще «да».

***

Нас давно уж нет на свете.
Видишь, рядышком кресты
Мы с тобой могилы эти:
Слева я, а справа ты.

На скамеечке зеленой
Наши дети пьют кагор,
И мой крест, мой крест влюбленный
Тень кладет на твой бугор,

К твоему кресту стремится,
В перекрестьях наши лица
Временами лишь похожи
Только в летний день погожий.

***

Я сдвинул книгу на край стола
И задел ее опрометчиво
Любимая рядом спала
Я оставался незамеченным
В ее постели избыток ног
Между двумя одеялами
Но между малыми ступнями
Простыни комок
Она его комкала ночью
Ей снился велосипед
Она развозчица почты
В провинции семнадцать лет
Она возила письмо адресату
Она в него влюблена
На груди волосатого
Я книгу ронял поздним утром
Около дня

***

Ю.Г.

Он трубку положит,
А что ему делать?
Ага! Я на кухню картошку молоть.
Посадит свое полукрепкое тело,
Положит свою полуполную плоть
На две табуретки, на стол, на кушетку,
В тарелку положит, в стаканчик нальет.
Какая-то дикость лицо его гложет,
И кровушку пьет.

***

Я берегу свое безделие
Лелею безмятежность мирную
Как ювелирное изделие
Как безделушку ювелирную

И чуждый всякому стремлению
Люблю играть своими гранями
Как разноцветные камни
Луча живого умиранием

Лучи во мне меняют линии
И изменяют направление
И красноватые на синие
Лучи я изменяю лению

И есть лучи невозвратимые
И ими существо влекомое
Мое уносится в незримое
Пространство полунезнакомое

Дидактический сонет

Бродяга я люблю движенье.
О. Мандельштам

Бродяга я, но не люблю движенье
Напрасно пыжиться, пыхтеть за шагом шаг.
Видал я, верно, и таких бродяг,
Но их путей бессмысленно круженье,
Поскольку лишь в покое наслажденье.

Итак, я поднимаю лени флаг.

Шлагбаумом повешу свой гамак
И запрещу ненужное хожденье.

Бродяга я, да, знаю, можно смело
Бродить, где хочешь, лежа в гамаке,
И, вечно оставаясь не у дела,
Держать все мироздание в руке,
Ах, изредка отвлекшись фруктом спелым
Иль чем-нибудь дымящим вдалеке.

***

Этот старый гамак я тебе показал в назиданье
Ведь веревки его часто спину держали мою
В тот момент когда я наблюдал мирозданье.

***

Мне лепет мой седых бородачей
Напомнил мне ту сказочную легкость,
С какой сестренкин кокер-спаниель
На Мае сахарную кость съел.

Я лепечу, а нету слушачей,
Они от горя выпили на шпиле,
У них разлады и с семьей своей,
И с тем, что в горло жадобное влили.

Мне помнится, что там валялся «Вальтер».
Еще к нему валялся я злодей.
Освободите землю от людей!
Освободить? Мне лень. Увы, увольте.

Мой лепет, ты достанься лишь ему,
Тому многозначительному ветру,@
Который расстегнул австрийку Петру
И тотчас, испугавшись, застегнул.

Мой лепет! Где-то там в овразях,
Куда тебе на крачках и не вползть,
Грызет сестренкин пидор кость,
И так легко! Вот эту злость
Употребить бы! Эти связи
Мне так перелопачивать легко!

Я дозвонюсь. Звонить велели
Кривые крынки ментовских сапог.
Она спросила, по какой сидели.
Ох, мать, я рассказал бы, если б мог!

Я рассказал бы, и мой верный лепет
Добрался бы до ментовских сердец,
Хотя у них нет сердца. Холодец.
По холодцу бывалка наша едет.

Я ей кричу, бывалка, помнишь речь,
Я обращался к сестрину педриле,
Когда собак на звучном суахили
Пытался объяснить мне слово «смерч».

Я с ними свяжусь и скажу им.
Язык я пытался найти.
Но наша стоянка разбита
Увы, на окольном пути.

И наша стоянка стоянка.
А ваша стоянка течет.
Всегда по земле оккупанты
Везутся ногами вперед.

А знаешь зачем? Потому что
Мой лепет остыл и остыл.
Так бьется испанская мушка
На звездах еврейских могил.

О чем этот лепет? О знаке
О знаке, о знаке, о знаке!
О знаке, о знаке, о знаке.
О знаке, о знаке, о знаке.

***

Ты помнишь? Над городом стая летала
Но стая не черных не злобных не птиц
Но стая конструкций из стекла и металла
В количестве штук тридцать.

Они упали и в небо взмывали
С добычею в лапах кривых,
А люди, их мамы, кричали и звали
Детей. Бесполезно. Увы.

Однако, давно уж, столица не знала
Кровавых историй. Кровавых таких.
Кровавое мясо, кровавое сало,
На лица людей из небес упало,
Одно на одних, а другое на других.
И горы лежали небесного кала.
И вони же было от них&

***

В воздухе влажность вечерняя
после жаркого дня
мой товарищ рукою потер меня
словно гладил меня
у товарища руки смолы горячей
но подруга его горячей
а глаза и уста ее влажность вечерняя
и прохладный ручей
что товарищи тут у меня острие, пистолет и яд
я зарезал товарища
и теперь отравлю себя

Охотник

Острее нож не точится.
Блестит ружье двойное.
И как поставить хочется
Устройство потайное!

Чтоб какую белочку,
Так тому и быть,
Поймав зажимом спрятанным,
Зарезать и убить.

А все к тому, что холодна
Рассейская зима!
И шуба, теплая сама,
Согреет лишь одна!

***

Словно болтики, словно шурупики,
Как-то странно дрожат, не дрожат,
Насекомых неведомых трупики
На столе и на стуле лежат.

И похожий на разные досочки,
Походивший на круглые палочки,
Старичок теребил папиросочку,
И ходил по гостинной вразвалочку.

На диванчик, папаша, присаживайтесь,
Улыбаясь ему говорю,
На серьезное дело налаживайтесь,
Сам на тело сухое смотрю.

И провел карандашиком черточку,
И на черточке сделал отметочку,
И достал небольшую отверточку,
И решил смастерить табуреточку.

***

Я сторожу. Я здесь на посту.
А чтобы не спиздили бляди
Дощечку вон эту, вон ту,
Мне платят, и платят немало,
Чтобы был материал цел.
И глаз мой не глаз. Он прицел.

Кража

Мы темные спим как бы спим
Мы были повсюду но не понимали
Что нас не нашли
А только украли
А там где мы спали
Кого-то забыли
И он будто сам никого не поймет
Он там словно лишний
Один среди многих
Мы тоже не к месту
Здесь честно без нас

***

Мы кого-то поджидаем у калитки
Вот идет случайно кот
Но кота никто не ждет
Мы кого-то поджидаем у калитки
Дождь пошел и прошел
Домино стучит о стол
Мы кого-то поджидаем у калитки
Мы стоим третий час
Но никто не видит нас
Мы кого-то поджидаем у калитки
Постоим четвертый час
И никто не встретит нас
У калитки

***

Ты настороже: кто-то не ушел.
Ты не можешь лечь, ты не можешь спать.
Ты тихонько встал, вынул пистолет.
Выстрел прозвучал. Эти не ушли.

***

Менять сандали на патроны
Менять рубли на пятаки
Любая жизнь моя клыки
Любые деньги из металла
Менять дороги на вокзалы
Менять сандали на штыки
Менять ботинки на шнурки

***

В небе снег, в земле сольца,
В голове сухая груша.
Я любил и я любила
Два сверкающих кольца,
нити две из двух катушек.
Перва нитка гроб да щи,
Две вторые порох в небе.
Так порой кричат: «Тащи!»
Так порой встречают: «Едет!»

ПЕСЕНКИ

***

Мне маманя не велела
целовать слепое тело,
щекотаться под мостом
вентиляторным щитом.
Ле-ли, ле-ли, под мостом
вентиляторным щитом.
А мне маменка велела,
чтобы с ножа кожа прела,
чтобы я могла, икала,
подбородок в щи макала.
Ле-ли, ле-ли, я икала,
подбородок в щи макала.

***

Мама, я люблю Хичкока!
Посмотрела фильма три,
Но не сделалась жестока.
Все, что хочешь, говори,
Но душевен, мягок, робок
Показался мне Хичкок.
Прожила бы с ним бок о бок
Я какой угодно срок.
Я б готовила обеды,
Он бы фильмы сочинял.
И любил, любил меня,
Мой любезный, мой безвредный!

***

Я полюбила коммунистовы
Продолговатые глаза.
Особо, ежели в них чистая
Вдрух собирается слеза.

Она прокатится ланитами
И вью! Вью! Омочит.
О, вы, Амурами пробитые,
И в нем стрела любви торчит!

И ты такой же чуткий, женственный,
Хотя мужчина и плечист.
Ты не флагшток и не торжественный.
Об этом помни, Коммунист!

***

Пошла-ка я поплаваю
На берег у реки.
Ругаясь и с драками
Ебали моряки
Меня. Меня красавицу
И умницу меня.
Легко же было справиться!
И девичья броня
В один секунд растрескалась,
И девичий позор
Меня заботит несколько.
Так ветер дует с гор
Кавказа недалекого
На злачные поля.
И вот крестьянин около,
Спасти посевы для.
Так во Вселенной черная
Рождается дыра.
Так мечется... да хуй с ним, черная
Белуюю икра.

Прощай же, говорливая
Подруженька река.
Пойду. Пойду, счастливая,
Найду се моряка.
Пускай ебет красавицу
И умницу меня.
Чтоб не соврать, мне нравится
Подобная хуйня!

Песня о Кукурузнике

*Посвящается Максиму Горькому, нашему учителю,
основателю литературы, каждый наш советский
писатель проникся особым чувством к этому человеку,
и поэтому я не прошел мимо его творчества*

Мертвый пингвин не потеет
и Гагары тоже стонут
камни длинные бросая
только гордый Кукурузник
то хвостом вонзаясь в небо
то крылом срезая скалы
тужит, тужит свой пропеллер
нам Гагарин недоступен
у него семья большая
у него больные дети
гром ударов их пугает
у него судьба злодейка
у него жена еврейка
заболела умерла
он летал быстрее орла
дальше сокола летал
О, прости меня, Гагарин
Я татарин, я татарин!

Подражание Я. (Зеленому)

Однажды я входил в автобус.
На улице стоял мороз.
В одной руке держал я глобус.
Другой обогревал свой нос.
Смотрите, взяться за перилу
Мне вовсе нечем даже было.
И тем, что я копался долго,
Мешал товарищам войти,
Я возбудил толпу немного.
Иного не было пути.
Тогда толпа, меня ругая,
Того, конечно, не желая,
Себе на плечи воздвигая,
Меня в автобус и внесла.
И поэтического смысла
Во мне идея возросла:
Когда поэт зря ругают,
Не смысла ничего в стихах,
Его на плечи воздвигают,
Тем самым носят на руках.

***

(совместно с Ю. Гуголевым)

Не было просителя
у Отца-Создателя.
Не было приятеля
у Сынка-Спасителя.

Много интересного
У Отца Небесного.

***

В лесу замолкли коростели,
велосипед скользит, не едет,
природа снежные постели
заприготовила медведю,
знаменье верное мороза,
болванка в небе пролетела,
готовил бомбу Каракозов
ее послать в царево тело.
Купалась в Рейне Клара Цеткин,
уж был написан Манифест,
уж кто-то зоркий мыслью меткой
к нему готовил палимпсест*,
но ни значка не отчекрыжил,
хотя привнес императив.
Наш Император все же выжил,
наш Манифест и ныне жив.
Мы впрочем, кажется, у цели —
зима хоть не была короткой,
похоронив свои метели,
ушла заплаканной сироткой.

---

* *Палимпсест* замечательное слово.

***

Лежала мать моя в овраге,
Висел на дереве отец,
И я пошел, сирой и нагий,
И вот я с вами наконец.

Историю грустную спою я
О том, как я с своей семьей,
Влачились, грабя и воруя,
О том, как плакали порой
Над жертвой теплой и кровавой,
Как ели печень у людей,
О том, как в грунт вращали травы,
Когда отец и мать злодеи,
И сын отъявленный злодей,
Пытали пыткой глубокой
Красивых женщин молодых,
О том, как мертвых и живых их
Кромсали на куски жестоко
И пожирали после их.

Как подцепил отца болтаться,
О том, как мать зарезал я,
Но спета песенка моя.
Подайте люди, пропитаться!

До пояса обнажена
Пилила дерево одна,
А мимо всадники татары.
Свежезаточенной она
Ножовкой прикрывала чары,
Свою во фронт прикрыла грудь
Свежезаточенной ножовкой.
И, чувствуя себя неловко,
Монголы продолжали путь.

А в ожиданьи молотьбы
Одна поля переорала,
И, как ярмо с вола снимала,
Так звуки конския ходьбы
Ея оборотили облик
Баскачество скакало подле.

В смущенье странном, но с надеждой
Смотрела конница сквозь вежды,
Как хлеборобка пала ниц,
Дрожа ресницами зениц,
А после взглядывала робко
На подошедших хлеборобка.
И, так стесняясь, но желая
Друг другу искренне помочь,
Она сказала, что не знает
Дорогу, а баскаки ж в ночь
Направили коней, краснея,
Что нетактичны были с нею.

Баллада

- **Ч**то такое, густа и непрозрачна, протекает жижа
В трубках моих, матушка моя?
Что пластмассы в щетине и в коже моей?
- Это кровь и мышцы твои, щетина и кожа твоя.
- Что такое дощечки и лесочки мои в теле моем,
Матушка моя, матушка моя!
- Это косточки да жилки твои, сыну мой, сыну.
Хрящики да вервии твои.
- Но кто сделало такое, маму моя?
Кто вдело лесочки в дощечки мои, милае моя?
- Есть у нас, чадо, малое такое пяточок кожи.
Им и сделано, им и вдето.
- Нет, маму, нет!
- Уж-то, сынку, уж-то!

Украина

Моя родная Украина,
Моя родная сторона!
Ты так особенно ядрёна,
Ты так особо ядренб,

Что если ты, в порыве страсти
Погибнешь, страстью напоён,
Я разорву себя на части,
И буду я как ты ядрён!

Сереза

Есть на теле моем перепонка одна.
Перепонка переднего края.
Для любья работы такая годна.
Ни на что не годна другая.

И когда невзгода недалеко,
Появляются мысли порой,
То, что первой моей отдам легко,
Никогда не отдам второй!

Но дороже та, что без сил и ума,
Но которую носишь все ж,
Но в нужду она все отдаст сама,
Но сама погибнет! Серез!

Дворовая песня

И выстрел кончился на сердце у нея.
Пустило сердце красные побеги.
В ней жил цветок, какой теперь змея,
Которая следы прожгла на снеге.

В ней жил птенец, он выпал из гнезда,
В котором появился кукушонок.
Над ней не видно, но дрожит звезда,
Как будто стебель астры слишком тонок.

Дрожит, как будто пуля, если вдруг
Боек в патрон ударился неметко,
Ударил снова, и замкнулся круг.
Сквозь грудь ея пророс цветок на ветке.

Девяносто девять щёлей*(песня)*

Девяносто девять щёлей
А у женщины на теле.
У них одна зовется рта.

Девяносто девять щйлей
У Гаврилова на теле.
Одних подмышек тильки две.

Девяносто девять щёлей
У Гаврилова на теле.
А тра ноздра, а горла два,
В горле целебная трава,
В траве кузнечики поют,
У них волосики встают.

***

Вместо ног у ней колеса,
Вместо рук у ней глаза.
Она мчалась вдоль леса.
Отказали тормоза.

А развалятся колеса?
А гангреною сразит?
На природной своей смазке
Прямо к дому прискользят!

Басня

(совместно с Ю. Гуголевым)

Распотешил, растревожил
Муравейню баргузин.
Две руки туда полужил,
А достал всего один.

Королевна! Королевна!
Королевна-муравей,
Мне руки моей не жалко,
Жалко мамушки моей.
Он придет, она рыдает:
«Где опять твоя рука?»

Ничего не отвечает
Не видать издалека.

Чтоб тебе не расстраивать мать,
Береги свою руку, чудило,
Одну можешь где хочешь ты класть,
Но второй чтоб всегда с тобой было!

***

Все на земле вздувается не даром
Весной надулись реки и ручьи,
На теле матери кошмарным кочегаром
Надулся папа, правильной вскочил.
Порой тревожишь прыщ на теле сонном,
А по небу летает самолет,
И думаешь: вот этот.....
.....

***

Ноздря, ноздря дыра убогая,
Дай, что ли, я тебя потрогаю,
Помажу красками медовыми,
Укрою жаркими покровами,
А чтобы ты росла, не чахла,
И чтобы нюхала и пахла.

***

В одном лесу, когда стемнело,
Случилось заблудиться мне.
Среди деревьев лишь пни одне,
На пнях же чудище сидело.

От него прелой шишкой пахло,
И вокруг него стоял еще
Какой-то странный запах затхлый,
Как из заброшенных пещер.

Оно меня-то то манило
Подобьем перста одного
Тогда меня клонила сила,
Влекла все в сторону его,

То отвращало страшным ликом
И отклоняло от себя,
Как будто ветром, взглядом диким,
Как будто веслами гребя.

И даже будто подгребая,
Она была еще рябая,
Но обещала пополнеть.

***

Кати́лась и прыгала
Стальная пружина
По камням горячим
Мостовой.
Она же пружина
По камушкам прыгала,
По камням валунным
Горячей мостовой.
Кто запустил тебя?
Ну, кто?
Вот и вопрос по вселенной разносится:
Ну, кто запустил тебя?
Кто?

Звезды фигачат
От общего центра.
Энтропия кругом, бля.
Я и пружина два одиночества.
Друг друга для.

***

Ветер качает, холод морозит
Спелое тело. Фрукт.
Клетки живые, казалось бы, вроде
Мрут.
Дело живое горячее дело.
Скорость и температура суть
Одно и то же. Тряслась и горела
Живая, но молодая грудь.
Что это значит? А вот что значит
Места живого на небе нету.
Звезды от общего центра фигачат.
Живые люди лежали валетом
И терлись, трением добывая
В двух физических точках тепло.
И в точках дымилась влага живая,
И потело стекло.
Что это значит? А вот что
Зреет на камнях бумажный мох.
Помнишь, палочку нам назначил
Добрый ученый доктор Кох?

***

Тихонько что-то у виска стучало
Дымило что-то где-то на столе
Начало страшное на улице торчало
Далеко тек пролив Па-де-Кале

Смерть Машеньки

Произошла эта история в городке захолустном, что называется. В городке скушном, да в городке без каких-то там... Жила там семья достойных людей, умная семья, неизвестно как состоявшаяся в таком неподходящем для такой семьи месте. Звались они Чеховы. Антон Петрович и Марья Антонна. Антон Петрович – низкорослый брюнет с очками в носу и вечным стетоскопом в шее – практиковал. Марья же Антонна – в прошлом шикарная брюнетка, а нынче, в свои сорок четыре, пожелтевшая шатенка – служила. Служила в библиотеке библиотекаршей. Выдавала книги.

Собиралось семейство за ужином ввечеру в гостиной своего, поставленного общими усилиями и средствами, нового дома к часам шести. Пили чай с облепихой и, как правило, молчали, поскольку провели вместе не один десяток лет, но два с лишним, а за два с лишним десятка лет было сказано достаточно, чтобы понимать друг друга без слов. Например, захочет Антон Петрович ложку сахара в чашку чая, взглянет на свою Машеньку и прочитывает в глазах ее: Прости, любезный друг мой, нету сахару.

– Почему же нету?

– А я, друг мой, не ходила, думала, есть!

– Но ведь это же не дело, дорогая моя! – восклицал тогда молчаливо Антон Петрович.

– Да ведь и потерпеть можно, душа моя! – шла навстречу ему Марья Антонна.

Так проходили дни и недели, месяцы и годы, за бесконечными чаепитиями, в молчании и любви.

Не однажды приходилось мне бывать в том городе. Мы, можно сказать, симпатизировали друг другу. Я и Марья Антонна. Я и Антон Петрович. Был я в том городе и тогда, в тот ужасный, роковой для российской юриспруденции год, когда мултанские вотяки съели из религиозных соображений нищего Матюнина, но были без основания оправданы горе-адвокатом и по сей день считаются невиновными.

Я, помню, прибыл с вечерним поездом и шел от станции через овраги в район, называемый горожанами Америка, потому что овраги отделяли, даже относили Америку далеко от основной части города на запад. Именно в Америке практиковал Чехов и выдавала книги Марья Антонна. Именно в Америке стоял их дом. Путь в Америку пролегал через овраги, и вот через овраги я шел. Вечерний поезд прибыл в девять, то есть уже смерклось, а надо сказать, дело происходило в середине осени – хорошо, что овраги были оснащены бревенчатыми мостиками на случай осени, вернее, слякотной осенней погоды, а также бревенчатыми лесенками, на тот же случай. Скользило бревно! И, однако, так было лучше, чем никак.

Уже стемнело настолько, что двигаться можно было исключительно, если зажмурить глаза на длительное время и потом, резко раскрыв их, идти на блеск мокрого дерева несколько времени. Никакого безмолвия. Только монотонный стук палок о палки, скрип и шум дождя.

Кое-как достиг я строения Чеховых. Стучал, стучал. Стучал, стучал. Нет ответа! Ну, видимо, спят. Ан, нет! Послышались шевеления, вздрогнула разбухшая от влаги дверь и... Антон Петрович, изумленный, едва-едва не проглотил язык, но таки сел на мокрое крыльцо, поскольку мы, утомившись ждать, решили угостить друга нашего шуткой. Мы издали дикий вопль возбужденного марала, в чем были сильны, мы завинтились волчком и вприпрыжку, и мы хлопали зонтиком резко, резко.

– Батюшки! Кто приехал! Андрюша, так скоро, опять ты. Что за чудо! Проходи же скорее в дом, хотя постой пока. Я принесу тряпки, не то ты мокрый. Намочишь мне тут.

Я знал, что Чехов полетел будить Марью Антонну, чтобы распорядиться поставить чай, достать то-се, и тряпок никаких специально не имел.

– Ну, Андрюша, входи, входи. Мочи. Бог с тобой.

Мы пили чай, кушали облепиху, ну и так, по мелочи: сардинки, остатки фарша для пирожков, но уже с хлебом.

– А знаешь, Андрюша, отец родной, у нас ведь гостя живет. Спит теперь. Будить не стали. Все завтра. Она мне как-то родственницей приходится.

И, однако, автор... Каждый уважающий себя автор не может миновать разного рода отступлений, прыжков из повествования в чистую лирику собственных умозрений и чувств.

Знает ли читатель, что за чувство испытывал настоящий волгарь, бурлак, русский богатырь, тянущий многотонную баржу против мощного волжского течения, запевая Дубинушку? Этот стон у них песней зовется? Как бы не так, господа! Ошибся поэт! И не хотел, да ошибся! Настоящий волгарь, бурлак, русский богатырь, вспоминал детство, прибрежный мокрый ветер и первую девочку, а песня... песня помогала ему держать канву воспоминаний, удерживать свежесть их и чувствовать, чувствовать их, как чувствовал он впервые плеск штормовой волны (верите ли, какие шторма на Волге?), первый песок в штиблетах, горячую девичью спину и первый глоток ледяного приволжского пива. Стонали же, выстанывали Дубинушку те, кто тащился позади связки, и уж для этих приبلудных бурлаков, что Дубинушка, что Шумел камыш, – все едино. Ни тебе детства, ни тебе зрелости. Вечная тупая жажда денег задарма.

Автор знал таких бурлаков, но автор знал и богатырей. И вот по примеру таких богатырей, затягивая Дубинушку, со свежими чувствами он приступает ко главе второй.

Машенька, а именно так звали родственницу Антона Петровича, была ему очень дальней родственницей, чуть ли даже не по крови. Навещала она Чеховых изредка. Раньше как-то была уж чересчур молода и потому не отпускала родными одна, но только с родными, а сами бывали редко. Потом уже сама Машенька, повзрослевшая, почему-то (то есть как почему?!), стеснялась. Так или иначе, гостила она в третий, а может и в четвертый раз у Чеховых.

Антон Петрович испытывал стабильную приязнь к редкой гостье и всячески баловал ее. То медку, то полечит ее малиной взамен хины, хоть и выглядит она не так уж и хорошо для того, то есть болеет всерьез чем-то простудным. Марья Антонна тогда, помнится, приносила смешные журналы, чтобы Машенька не захворывалась.

Впрочем, болела она недолго. День на четвертый пошла горлом кровь, и Машенька, крупная довольно девушка, с плоским, хотя и не без шарма, лицом, скончалась на руках Антона Петровича. Чеховы мужественно перенесли это испытание, и после похорон – кстати, схоронили девушку пышно, половиной города поминали, поскольку слишком молода, – так, после похорон, Чеховы быстро оправились, и жизнь в семье вошла в берега. Все это время я был с ними и не мог не заметить, что берега эти стали несколько более узкими, чем то было необходимо. Однажды Антон Петрович обратился к Марье Антоне в голос, что было исключением.

– Машенька, сердце мое, а ведь я брошу практику! – сказал он, сдернув сердито очки. – Я много думал... упорно думал, и теперь знаю наверное – поеду в Москву, к Спасокукоцкому учиться. Мне надо долго и многому учиться!

Он сел, и столько горького груза виделось мне на его плечах, что не мог я представить себе столько горького груза на этих, пусть и плечах взрослого человека, но медика, лечившего всю свою жизнь в кабинете кабинетные болезни.

Вскоре Марья Антонна покинула дом.

А и вправду становилось невыносимо скушно слушать ежедневную фразу... в Москву, к Спасокукоцкому учиться....

Антон Петрович потихоньку становился брюзгой, и я перестал бывать у него».

Андрей Валерьянович сложил вчетверо листки с его новеллой и поглядел поверх очков на слушателей:

– Ну-с, господа? Будет ли угодно высказаться?

В комнате, казалось, помертвел воздух. Лица слушавших выражали конечную степень непонимания, отчего сделались серыми, словно от них отхлынула кровь. Так военный, получивший незаслуженно оскорбление, берет пистолет и стреляет либо в себя, либо в обидчика, и имеет при этом вот такое серое лицо.

– Полно вам, Андрей Валерьянович! Неужели так и померла?

– На моих глазах.

- Ну что вы, ей-богу!
- Да нет же, все как есть рассказал. Без привирок. Но теперь уже поздно, да и мне надо садиться работать. Писать. Писать.

Непрошенные гости

В 19... – х годах нынешнего столетия жила в Москве мало кому помнящийся теперь писатель Антон Григорьевич Чехов. Мы дружили тогда и частенько бывали у сестры его Варвары Григорьевны – огромной розовощекой девушки с крупными, хотя красивыми, чертами лица. Взять хотя бы глаза. Глаза ее были размеров небывалых, красивого морского цвета, будто все полотно маринованных смешались тут, на крохотном пятячке ее зрачка. Характер имела норовистый, что тебе молодая лошадка, а и добрая была, словно теленок. Что с ней теперь? Жива ли?

Началось все со случая, который имел достаточный резонанс, и хотя скандалом национальной важности не являлся, но сильно пощекотал этих кое-кого, кто боится щекотки и кто отмахивает мух пятисотрублевой ассигнацией.

На Маросейке утром в пятом часу бегал человек, потрясая только еще со станка снятой газетой.

«Афера! Афера!» – выкрикивал человек, но уже к часу шестому все стихло. Человек был пойман и отдан в участок. Как известно, физическая сила и крепкий ум, так, чтобы они принадлежали все одному же субъекту, встречаются крайне нечасто, субъекту же, которым начали мы рассказ, не принадлежало ничего. Человечком оказался Фишкин – типографский наборщик. Не выдержало тщедушное сознание его некоторой статьи, которую и приводим полностью:

ЦЕНА ПРОТЯНУТОЙ РУКИ

Позвольте, господа! Где предел разврату сановников наших думских? Доколе?!

Хочу я привести подробности, взбудоражат которые всех свободомыслящих граждан России. И хочу привести их, чтобы показать, как низка власть, что торгует уже собой, дабы обогатиться и уже с полным кошельком властвовать еще жестче. Стали известны мне подробности эти благодаря персоне, называть которую

опасаюсь только потому, что за жизнь этой персоны опасаясь. Мне же долг мой и есть жизнь моя.

Известен ли читателю Копылов Петр Васильевич, думский председатель?

Московская дума знавала председателей! Был в ней председатель – „либерал“. Терпели „либерала“! Был... да попросту, мудило. Терпели мудилу! Но разврат!.. Этот самый Копылов, буквально, в самом что ни на есть здании Думы нашей устроил себе комнату для тайных свиданий, да с кем бы вы думали? С соискателями ручку Петру Васильевичу пожать. За минуту аудиенции берут они, Петр Васильевич, десятирублевик, а просто за пожатие – три рубли! И, поверьте, отбою нет. В часе сколько минут? Так вот шесть сотен они и имеют за день. Это не считая уже промежуточных пожатий, за которые, ну, не менее тридцаточки Копылову в кошелек кладется. Что движет гражданином, если гражданин дает рубли, и рубли немалые, за то только, чтобы руку чиновнику пожать?! Вот и в. п. с. задался вопросом и решил через известные ему ходы встать в очередь соискателей, и на четвертый день добился-таки приглашения ровно в семнадцать четырнадцать стоять у дверей кабинета три, что и было выполнено с точностью до секунды. Вышел человек с вопросом: „Вы пожать или отпуститьсь?“ Я отвечаю: „Отпуститьсь“. И через мгновение я увидел Копылова в рясе не рясе, но вроде того. И вот этот самый Копылов спрашивает:

– Грех какой тебе отпустить или из-за амбиций пожаловал?

– Да ведь, Петр Васильевич, вы же не рукоположены, – говорю.

– Ну, тогда просто посидим минутку, – отвечает. – Деньги-то при себе?

– Да за что же деньги-то, Петр Васильевич?

– Фу, ты! И этот с вопросами! Вот вопрошаешь, потому с тебя пятнадцать рублей, и пшел вон!

Вытолкан я был взашей, обобран и оставлен в глубочайшем недоумении. За что же, господа, пятнадцать-то?! И, вообще, доколе?! Если всякий государственный муж станет торговать

близостью к себе, пусть и сопровождаемой бредом, и однако близостью, во что превратится Родина? Чем станут Русские в глазах Европы, тревожная обстановка в которой только усугубляет серьезность явления вышеописанного?

Маздуков.

Это была стойкая осень. Сентябрь. И, надо сказать, очень сухая осень, безоблачная. Давно Москва не знала такого грустного и многообещающего завершения лета. В такие дни хорошо жениться на юной польке, бегать за нею по рощам и толкнуть раз в листву цвета ее волос, чтобы закипели внутренности, и овладеть ею тут же, как лев овладевает зеброю, едва задрал.

Антон Григорьевич любил такую осень, поскольку был человеком инстинктов. Мы встретились полднем того же дня пойти проведать Варю. К тому же Чехов был знаком со всеми тремя героями происшествия. Фишкина знал, так как частенько сам следил за корректностью гранок, Маздукова по цеху, ну а Копылова... Кто ж не знает Копылова?

Есть в Москве больница, один из корпусов которой выходит на Бульварное кольцо, это было обычное место наших свиданий с Антоном Григорьевичем. У ворот. Мы выкурим по сигаретке, бывало, и пойдем в сторону Тверской. Там, где-нибудь в кондитерской, попьем кофею, но и время – Варвара ждать не любила. Сказано к двум – значит к двум!

Начали мы обсуждать событие по дороге.

– Вот, вы, Андрюша, говорите, что русскому все равно, за что деньги платить, лишь бы, себя унизив, дать возвыситься достойному согражданину. А что же согражданин? Не русский? Вон к чему вы ведете! Ну, а если и не ведете, то само так выходит. На деле же, знаю я этого Маздукова, – продолжал Чехов уже за столом в гостинной небольшой и вовсе не вязавшейся с размерами Вари квартиры. – Маздуков – тля, которую доят муравьишки. У Маздукова взять можно все, и он еще расходы оплатит, да потом еще в газету напишет о своем недоумении. Не то, совсем не то – Фишкин. Умнейший, между прочим, печатник», – здесь Андрей Варьянович поперхнулся и просил дать воды.

Слушавший его внимательно Пушкарев заметил, сморщив маленький нос, что уж слишком Достоевским пахивает.

– Гоголем! Гоголем, господа! – высказалась случайная дама откуда-то из дальнего угла комнаты, пропахшей потом и сигаретным дымом сигарет «Карамель».

Однако слушатели заметно соскучились. Начались зевки. Люди привставали, потирая себе ляжки и достаточно громко гудя, чтобы стало заметно, что рассказ, так бодро зачинавшийся, перестал захватывать и что есть мнение дело это отложить до другого раза, если вообще не оставить. На что Андрей Валерьянович зашикал на всех, приговаривая: «Вот сейчас и самое интересное подоспело, господа». И тогда люди зашевелились, но уже прилаживаясь к спинкам поудобнее и приготавливаясь к новой муке.

« Умнейший, между прочим, печатник, здесь Антон Григорьевич словно бы споткнулся, и от носа его отвалились овальные очки-пенсне, крепящиеся к переносице. Они упали на камни мостовой и треснули одним стеклышком. – Вот напасть! Вторые в этом месяце стекла. И одно заказать – не берут. Надобно только два стекла. У меня этих одних только правых стекол штук шесть и левых штуки четыре.

– Так вы, Антон Григорьевич, из этих шести-то одно и вставьте. Зачем же лишний раз заказывать? А?»

В комнате зашикали. А дама с угла так в голос и заявила:

– Как же это он у вас вновь на мостовой-то оказался? Только ведь что за столом чай гонял!

– Да не мешайте же повествовать, мадам!

– Но как же можно? Где они у вас, у сестры в комнате, либо на мостовой?

– Бил очки, либо не бил? – Все повскакали со стульев, доказывая друг дружке нечто одним им понятное, а мне, признаться, было странно: ну, в комнате, ну, на мостовой, да в чем же тут разница для текста-то? И потому сидел и ждал, когда стихнет гомон, чтобы дослушивать новеллу Андрея Валерьяновича. Однако шум не утихал, и вот уже кое-кто напяливал пальто, а кое-кто и спустил по лестнице на холодец морозной поздней осени. В комнате остались угловая случайная дама и я.

– Так что же, господа, продолжать?

И мы, переглянувшись, закивали головами.

« – Зачем же лишний раз заказывать? А?

– И вправду. Как это я не смикетил? А вы, Андриюша, с отверткой дружите? Поможете мне?

Я милостиво согласился, и мы, вот уже действительно, помчались к Варваре, которая жуть как не любила опаздывающих и все время корила их. Антон Григорьевич бегал удивительно быстро и потому сдерживал себя, чтобы я, грузный, легко потеющий субъект, не отстал от него на много лошадиных корпусов, так сказать. На бегу, кстати, была потеряна им половинка линзы от пенсне, она дзынькнула обо что-то, но мы уж решили бежать без остановок до Варвары, ничего не подбирая.

– О, осень в Москве! Она, в начале своем, сильно напоминает последние месяцы лета, но уже без той навязчивой пыли в комнатах и при почти полном отсутствии комаров. Так человек, перешагнувший период зрелости, но и не пожилой еще, все никак не может отделаться от видения юности своей и юных подруг своих, и все его удивляет одна и та же назойливая мысль, что, мол, юных подруг-то цифра, буквально, свелась для него к нулику, а впереди маячат изведенные уже бабищи, словно виденные часто и все ж таки которые не объехать стороной чудеса света. Так и хочется посадить слово сука в локомотив игрушечной железной дороги и гонять его тысячу сто шестнадцать раз по кругу, припоминая различные поводы.

– Кстати сказать, бегать в Москве становится чрезвычайно трудно ввиду чрезвычайного невнимания пешеходов, как то: идут в одну сторону, смотрят в другую или попросту пялятся назад, а выходит, что идут затылком вперед. Где глаза у населения? Что такими глазами можно разглядеть, и будет ли такой глаз функционален? Нет ответа...

– До Варвариного дома было с два квартала. Мы одолели это дело за каких-то десять смешных минут и все-таки опоздали на четыре. Варвара распахнула дверь и, рассмотрев гостей, только охнула, приговорив: Но у нас все дома! Заглядывая за Варвару, мы могли видеть стол, чашки на нем и вокруг стола сидевших Антон

Григорьевича, Андрей Валерьяновича и еще троих чем-то знакомых, видимо, пришедших вовремя».

– У дамы в углу перестало дергать веко. Она сказала:

– Вот теперь мне все понятно. И я рада, что не поступила по примеру остальных, а поступила по примеру вот этого господина и осталась дослушать ваш рассказ.

На что я ответил, хотя вопроса никакого и не задавалось:

– А я давно слежу за поэзией Андрея Валерьяновича и знаю, что правильнее дослушивать до конца не только любых остальных людей, но и Андрея Валерьяновича в частности. В том смысле, что рассказы его часто в финале имеют парадокс, и вот ради парадокса-то и сделаны.

– Но, господа, позволю себе вмешаться, вмешался и сам автор, дискуссия ваша затянулась, и милости прошу в другой раз.

После чего мы раскланялись и вышли в город, так сильно отличающийся от себя самого, но уже, к примеру, зимой.

Женщина оказалась непроста в обращении, и, однако, тема эта для другой большой дискуссии о вопросах пола и потолка, в том смысле, что пол и потолок, подвал и крыша есть символы непростых сексуальных психологий и психологий сексуальных контактов.

Воробей по кличке Чехов

В Макеевку пришла зима. Занесло дороги. А что до домов, так они наполовину засыпались снегом, и макеевские дружно взялись за освобождение своих жилищ от белого плена. Деревянные широкие лопаты-захватки, металлические поскребки и даже топоры шли в ход. Снегу была объявлена настоящая крестьянская война.

Дому Петровых не повезло больше других – повыдавливало окна и завалило пол. Еще вчера такая уютная избушка, всегда протопленная, сегодня превратилась в непригодную для жизни развалюху. На время расчистки завала Петровы перебрались к родственникам своим, Макеевым, всей семьей: Илья Ильич – голова семейства, покойница Тереза Николаевна – жена его, их сын Андрюша с женой Глафирой и маленький Ванька – четырех лет дитя.

Разместились все в большой комнате, где обычно Макеевы отплясывали по праздникам. Это было и грустно, и смешно, потому что в той комнате, которая в обычные дни предназначалась для веселья, разместились люди по причине событий невеселых.

Утром следующего после переезда дня всей семьей пошли разгрести снег. Покойница Тереза Николаевна, Царствие ей Небесное, пошла только из-за Ванюшки, для которого все перипетии судьбы были всего лишь новой игрой, и он носился вокруг семейства, попадаясь то под лопату Андрея, то под валенки жены его. Покойница покрикивала на него, но как-то по-покойницки добродушно, и только раз в голосе ее заговорила артиллерия, когда Ваня стал копать в куче отработанного снега и бросил для того варежки.

– А ну-тко, паразит, надень варежки!

– Баба, баба! Я вона что нашел! – крикнул счастливый Ванечка и протянул бабушке свои мокрые, сложенные в горсть ручки.

– Ну, пострел, чего там?

– А гляди!

Ваня раскрыл ладошки, и бабушка Тереза разглядела на них неподвижное тельце птички-воробья.

– Ну-тко, давай сюда твою вработу!

– Бабуня, он дохленький?

– Сонный только, детка.

И впрямь в бабушкиных руках птичка задергала крылами и как будто вроде застонала.

– Видишь, Ванечка?

Тем временем были освобождены дверь, окно, и уже можно было работать внутри.

Однако начались сумерки, и голодные Петровы решили закончить на сегодня. Бабушка несла сонного и все еще мокрого воробья, Андрей – успевшего заснуть Ванечку, а Глафира с Ильей Ильичом – инструмент.

У Макеевых развесили мокрые вещи сушиться. Но что же делать с бедной птичкой? Решили положить ее на теплое разогретое печкой одеяло. Сами же сели обедать. Дружный это был обед. Четверо Макеевых, шестеро Петровых и вдруг очнувшийся окончательно воробушек. Он взлетел под потолок, порхал там и потом уселся на столе рядом с теплой кастрюлей со щами, славно чирикавая. Ванюшка сгребал со стола крошки и швырял их воробью, тот взлетал на высоту кастрюли и висел в воздухе, пока все крошки не ложились на стол, а затем принимался клевать и клевать, все до единой крошки.

– Ну тебе чистюля, что твой доктор Чехов! – воскликнул Андрей.

А надо сказать, что в ближайшем городке жил известный своим странным поведением докторишка. Поговаривали, что съел он после смерти родственницы своей, потому что считал себя целиком виноватым в этой смерти. Он бросил практику, запил, потом взялся за ум, и, однако, ум уже был не тот. Доктор Чехов бродил ночами по городу с мощным фонарем и метелкой, собирая различный сор или то, что сором ему казалось. Так, однажды он смел монетки из ладони замерзшего насмерть нищего вотяка в специальный свой мешок и схвачен был на месте

околоточным. После того весь город просил за доктора, помня его прежние заслуги.

– А что? И ведь верно – Чехов! Правда, Ванютка? – засмеялась бабка Тереза.

– Чехов! Чехов! – радостно закричал Ванечка и забарабанил ножками под столом.

– Ну-ка, без баловства! – пытаюсь подавить смех, почти строго сказал Андрей.

Все вдруг заговорили, и в доме стало так уютно и так тепло, что холодная январская ночь, черное небо и ледяные звезды на нем казались только временным обстоятельством.

Утро следующего дня выдалось солнечным и морозным. Снег выглядел... Так выглядит сахарная пудра на куличе.

Решили Ваню оставить у Макеевых играть с воробушком, который ни за что не хотел вылетать на мороз. Не выгонять же птичку, в самом деле!

Благо, дни стояли ясные. Петровы закончили работы через неделю. Заодно повыбрасывали ненужные и ветхие вещи, которые обнаруживались на каждом шагу. А, например, сломанный Ванечкин стульчик пустили на растопку, что скрыли от самого Ванечки, так как маленький ребенок, хотя и не вспоминал никогда про стульчик, но обязательно стал бы плакать, увидев, что дорогая ему когда-то вещь летит в печку.

Всю зиму Чехов жил у Макеевых. Ваня Петров что только ни вытворял, лишь бы остаться с вrabчицем подольше. И скандалов же было! Захаживала к Макеевым и покойница Тереза. Ее Чехов особенно любил. Видно, запах смол, которыми бабка тщательно обмазывала свое тело, напоминал ему опушку леса, вольготность российских полей и, конечно, близкую уже весну.

«О, весна без конца и без края!» Птички поют. Ручейки журчат. Вся эта белая гадость зимы вползает в жирную русскую землю, истоптанную селянином в поисках наживы. Уж и не родит она, а все российский мужик норовит пихнуть в нее ядовитое, ненасытное семя, чтобы по осени испоганить в который раз покров ее тела, приготавливая к озимым. Нет, ничто не способно исправить мозги русскому. Ведь если сегодня он стягивает с себя последнюю

драную рубаху, чтобы отдать ее, да хотя бы и врагу своему, завтра он придет, чтобы заколоть врага своего, отнять у него жену, разрушить дом, заразить землю.

Однажды, в первую мартовскую оттепель, Илья Ильич собрал все семейство и велел идти к Макеевым на семейный совет. Чехов, а вместе с ним и Ванечка летали там по всему дому, стучаясь иногда в окно, а чаще в шестерых Макеевых, которые остались все и уже готовились к приему гостей. Только бабушку Терезу попросили быть дома, а почему, станет ясно из беседы, случившейся за тем же самым столом, с которого клевал крошки воробей и за которым получил свою кличку.

– Друзья мои, – начал Илья Ильич, – холода отступили, каждая веточка, каждый зверок трясутся в ожидании весенних токов, несущих жизнь. И мы, люди, мы все ждали прихода весны, словно дети, которым посулили сладости, и уже вот-вот...

– Илья Ильич, – перебила его Глафира, – папа, вы, помнится, имели страхи по поводу весны. И не надо, очень прошу вас. Мы пусть люди и не очень вдумчивые, но добрые, и способны принять многое. Говорите, говорите же, что так страшит вас? Правда, Андрюша?

Маленький Ваня, до того гонявший Чехова под столом, вдруг затих, и воробей, почувствовав, что игра окончена, выполз, весь мокрый, на свой постоянный коврик полежать. Андрей недовольно взглянул на жену, но смолчал. Он стал сосать щеку, словно знал, о чем пойдет речь. Замолчал и Илья Ильич. И только Макеевы переговаривались вполголоса.

Илья Ильич встал, махнул горестно рукой и вышел из комнаты.

– Что, Андрюша?

– Понимать же надо. Тяжело ему. Старушку свою почему, думаешь, дома д...д...держит?

– Почему, Андрюшенька?

– Потечет же она! Дурында! Два-три часа на солнце – и нет бабки. Померла-то ведь еще в ноябре. Только на смолах и держится.

– Ну, Андрюша, я же не знала, что это временно так только. И что же делать?

– Что делать? – Он выдержал паузу и вдруг неожиданно громко брякнул, глядя на Макеевых: – Хоронить будем старуху!

– Господи! Но ведь Ваня, ведь мы...

– Люди мрут, Глафира, не от досконального знания суахили. Или ты уж действительно дура у меня. – Андрей взглянул на жену чуть добрее. – Ну, что напиксилась? Голова-то есть?

– Бабуня, – раздалось из-под стола. Все как-то позабыли про Ваню.

– Ну, вот и внучек в курсе дела, – произнес вошедший Илья Ильич.

Все опять затихли. Только Чехов прощebetал что-то сладкое со своего коврика. Он едва проснулся и расклеывал слипшиеся свои перья.

Весна торопилась. Торопились и Петровы. Они уже выбрали место на погосте, уже стесали доски для гроба. Бабушка Тереза все больше плохела. Она покоилась в специальном кресле-корыте и тосковала. Нижняя часть тела ее расплылась, и лишь туловище с потешными пузырями вместо рук выступало холмиком с глазами. Но все же было еще не время. Старушка еще не пахла, и Ваня мог перемигиваться с ней и рассказывать про Чехова, о том, как воробей подрался со злющим петухом и стал полным хозяином в курятнике, о том, как однажды Ванечка накрыл птицу ветошью и связал концы, и, однако, позже, развязав их, он никак не мог обнаружить друга своего. После этой истории глаза в корыте замигали уж слишком часто, словно старушка хотела сообщить что-то важное и особенно важное для Вани. Но, увы, маленький человечек знал еще слишком мало в жизни, чтобы понимать это. Он замигал в ответ так же часто и засмеялся мальчишеским своим задорным смехом.

Уже на погосте была вырыта могила, и наступил канун похорон.

Воробей, который с приходом теплых дней стал все чаще бывать на природе и гостить у Петровых, а в конце концов и переселился к ним, порхал над жижей с глазами, всматриваясь в них с нескрываемым ужасом.

Глафира приготавливала все к поминкам: нарезала свеклу для борща, мыла рис, изюм и, конечно, обязательную в таких случаях медовую редьку. Медовую редьку обычно варят в патоке, затем подсушивают на печке и полученный таким образом продукт, часто неправильно называемый «цукатом», располагают в центре поминального стола.

И, однако, дело близилось к печальной развязке. У дома Петровых собралась вся деревня.

- Затянули они, – доносились реплики из толпы.
- А сами-то, когда вашу-то хоронили...
- Однако пригревает...
- Скоро вынесут...

Солнышко действительно работало почти в полную силу. Звенели сосульки, сияли стекла, перемигивалась так милая сердцу русского человека весенняя грязь.

Из дома наконец вынесли круглый гроб с бабушкой Терезой, над которой все еще вился неугомонный воробей. Деревенские загудели. Старухи спели грустные плачи.

А и лет-то ён не хватаить,
А и плакать-то и плакать,
А и прилетел за мною
Черный ворон с вороною.

Ворона, ворона. Уж ты не тяни, не тяни.
А и в сторону чужую не тяни.
А и ворон-то ты, ворон, не тяни,
А и в сторону другую не тяни...

Маленький Ванечка плакал в сторонке, утешаемый сестрой, приехавшей из города на похороны. Она сидела перед ним на корточках и гладила его руки, держа их в своих.

– Милый, Ванечка! Ну что же ты так не по-мужски себя ведешь? У нас в городе мужчины никогда не плачут. Даже когда сильно порежутся. Ты ведь приедешь к нам в город? Приедешь? Ну вот и не плачь, поросеночек ты этакий. Дай-ка я тебе козюлю вытащу.

– Пошла прочь! – заревел Ваня еще пуще.

Тем временем люди уже достигли кладбищенской ограды. Впереди процессии шагали Андрей с Ильей Ильичом. Они несли гроб.

У могилы постояли немного. Затем погребальным черпаком достали из щей потухшие глаза и положили их в специальный берестовый кузовок. Затем вылили щи в могилу и побросали по горсточке земли каждый. Спустили поверх кузовок и зарыли.

Чехов, все это время круживший над кладбищем, вдруг повис над могильным холмиком и странно захрипел. Потом он стал набирать высоту и потерялся в глубоком весеннем небе. А через несколько минут на могилу упала тяжелая черная капля.

Торжество пяти прорабов

Жена объявила войну Грише Золотареву. Пятый прораб СМУ-200 оказался в военном положении.

– Совсем офонарела, – сказал Гриша вместо «здравствуйте» четверым своим братьям по несчастью на следующий день.

– Попало? – с удовольствием спросил Петя Старовойтов, давний Гришин друг, а теперь и товарищ.

– И за что только, скажи на милость? – обиделся Гриша.

– Ну, стакан-то был точно.

– О! И я так прикинул. Купил по дороге сувенир. Звоню. Она открывает, а я ей сразу и говорю: «Это тебе. Колокольчик «Дар Валдая». А она мне: «Давай, проходи. Дырбалдай! И запомни! Отныне нижняя половина холодильника твоя, верхняя моя. И чтобы выше кефира тут не поднимался!» Ну и я ей: «Да подавись этим кефиром». А она говорит: «Нет, кефир – это нейтральная зона».

– Милости просим на остров Святой Елены! – вставил Жора Кутузов, тоже прораб.

– Стало быть, пятеро нас, прорабов, лишенных женского снисхождения, прорабов, не склонивших головы даже в минуты несправедливого тупого гнева со стороны держащих власть ближних своих, прорабов...

– Заткнись, мухомор! – отозвался самый несчастный прораб в городе Финкельман.

– ...прорабов, Финкельман, – продолжил пожилой и мудрый Алексей Алексеевич Ткачев, – которые на любое проявление террора, физически ощутимого, ответят террором духовным.

После этих слов в душах людей самой гуманной профессии на Земле разбушевалась стихия.

Вечером того же дня Гриша звонил в дверь своей квартиры, чувствуя себя как матрос, ступивший на сушу после недельной качки. Глаза его с вожделением гуляли по лицу открывшей дверь

жены, руки тянулись к ней, но смыкались уже вокруг обитавшей глубоко в Гришином подсознании портовой шлюшки. Хлопнув ее по мягкому месту, он произнес: «Сколько?»

– С тобой и за две песеты пойду! – сказала весело шлюшка.

– Веди меня, чертовка, скорее. Я изголодался в походе!

Шлюшка втащила его в темную низенькую комнату и немедленно протянула стакан с дешевым филиппинским ромом, от запаха которого в глазах закипали слезы. Выпив, он сквозь мутные потоки слез различил разобранную кровать и направился к ней, но ударился головой о паркетный пол, взлетел и затих. Вокруг его головы долго еще кружились разноцветные звездочки, но он этого уже не видел.

Жена Гриши стояла в его ногах и молилась Богу.

– Господи! Когда же ты очнешься и почешешь то место, на котором сидит этот алкогольный клоп? – говорила она, приготавливая здоровенную поварешку для исполнения одного из заветных своих желаний. Она присела на край кровати и, сняв с мужа ботинки, стала легонько постукивать поварешкой по его пяткам.

– Что со мной? – испуганно спросил Гриша утром, опустив ноги с кровати, но тотчас поджав их к груди.

– Ну, допился? Ходить не можешь? Это у тебя облитерирующий эндартериит, голубчик. У алкоголиков часто бывает. Могут даже ноги ампутировать.

– Что ты говоришь-то?

– Правду тебе говорю!

– Так может доктора позвать?

– А не страшно тебе доктора звать? Сейчас доктора такие – чик, чик, и обе ноги отрежут.

– Что же делать-то? И на работу я не могу. А вот я сейчас позвоню в контору и все выясню про этот твой эндартериит.

– Э, нет. Он твой! – улыбнулась жена.

Гриша только махнул рукой и потянулся к телефону.

– Але! Финкельмана позови там. Нету? Что? Эндартериит?! А Кутузов? Тоже? И у меня тоже эндартериит. Да, возьму больничный. Слышь, Галь, стройка встала. А что, заразная болезнь-то?

– Очень! Но только через алкоголь передается. Видишь, как всех твоих дружков покосило? Так что будь спокоен.

– Галья, ты врача-то позови! Сама не боишься подцепить?

Через полчаса пожаловал лысый доктор со странной фамилией Чехов. Он помял Гришины ноги и сообщил:

– Гангренька на почве эндартериита. Надо резать! Накройте стол и готовьте пациента к операции.

– А что наркоз?

– На алкоголиков наркоз не распространяется по калькуляции. Ничего, такотрежем.

Гриша потянул руки и чему-то улыбнулся.

– Галья! – позвал он жену вдруг ласково. – Помнишь наш давний спор о том, что надо сначала мыть? Посуду – тарелки там всякие, ножи и вилки, или же начинать прямо с ложек и уже потом переходить к тарелкам. Сдается мне, что мы забыли одну немаловажную деталь обсудить, а именно – поварешку. В какую очередь ты предпочла бы вымыть вот, к примеру, эту самую поварешку? А вы, доктор? Вам известно, что такое «щеколда Фукса»? Нет? А между тем именно на эту щеколду я вас и Галю запер в «пространстве Фукса».

И Галья, и разоблаченный докторишка сразу как-то замельтешили, словно они были не они, а известный следователь Порфирий Петрович.

– И ведь это еще не последний мой вам сюрприз.

Гриша вскочил с кровати и прошелся по комнате вприсядку.

– Но и это еще не все! – крикнул он, подбежал к входной двери и распахнул ее настежь.

За дверью стояли Финкельман, Кутузов, Старовойтов и ополоумевший от такого поворота событий Ткачев. В руках они держали водку и селедку. Веселье обещало быть грандиозным.

Бутерброд с асфальтом

Шел парень один в сторону рынка. Сейчас, думает, куплю себе маслица, хлебушка, сырочку. Идет, а мимо свистят автомобили, колышут парню прическу. Дождь накрапывает. Серая такая, поздняя весна. Представляет парнишка себе бутерброд:

– Во, блядь!

А тем временем, плотно лежа на рельсах, катился на восток электропоезд.

В его голове находился мозг, то есть двое машинистов, а в ногах – колеса.

Их перестук сообщался крыше и с крыши – небу, на котором Бог.

Везде летали птицы.

Парень позвенел деньгами и купил: маслице, хлебушек, сырочек. И еще сметанки хотел, да что-то в последний момент передумал. И действительно – уже бутерброд есть.

– Тыбс-тыбс-тыбс, – заторопился паренек.

Электропоезд, впрочем, замедлив ход колес, подтягивался к полустанку. Грузы там, почта. Вдумчивые машинисты, словно два капитана, вращали штурвалы тормозов и гудели в приветные трубы: «Привет вам, сухопутные! Готовь стол, блядь!»

А на полустанке уже кто подтаскивает, кто оттаскивает, кто волочит, а кто и гогочет. Кипит труд, но и радости хватает. Чай заваривается в сторонке, в буфете буфетчиком. К чаю кое-что намечают.

В девять двадцать, в девять двадцать

Прибывает почтовой.

Может, нет, а может статься,

Не хвостом, но головой.

А хвостом – какое дело!

Лишь бы спорилось, кипело.

Парнишка разбежался не на шутку. Природа слилась в единую серо-зеленую полосу, но вдруг остановилась и исчезла. Вот, на дороге расположились пластами: парень, тесто, масло, сыр. И осколочки стекла.

Ну, что... После разгрузки чаевничали. Бог подал и бутерброд.

Дева на бердичеве

(стихотворение в прозе)

Милостивые государи. Я вам буду давать то, что сама хочу дать, а не то, что вы у меня выспрашиваете. То, что вы там у меня спрашиваете, – это стримунгула, и без нее можно обойтись, как обходится, например, «майне либер», Архитектор Вселенной без Бога и Сатаны. Впрочем, однажды, лет этак с восемнадцать тому, в задрипанном Бердичеве проживал татарчонок Ахметка. Глаза его были умны и влажны, и возраст его, его соблазнительный возраст, одно воспоминание о котором заставляет вздрагивать и проливаться влагой Божественной не одну плоть, и его кровавый грубый язык, – это все выдавало в нем Избранника. О, да!

Ахметка не был чистоплотен. Он, запуская руку в свои штаны, перед тем часто пачкал руку. Он... вернее, у него постоянные волосы вокруг черной звезды находились в слипшемся состоянии, и запах, который исходил от него, напоминал так приятный запах свежего лобстера.

Мать говорила мне: «Зорче будь, внимательный зрак твой не упустит Божью безысходность и сатанинскую невежественность, и тот и другой только знаки суть, но есть еще НЕКТО, кого мы не знаем».

Я взглянула в глаза Ахметке. Ах ты, сучий татарчонок, ведь чумаз и вонюч, а как сладко будет прижаться к нему, вон к той косточке на руке. Ах, Ахметка! Ну, подлец! Смотрит, словно колет, словно тычется уже молодойю нетерпеливой пипиською своей.

Который день над Бердичевым льется дождь. Евреи горюют в синагоге, русские жрут водку и грязно распоряжаются Христом. У Ахметки Бога нет. У него есть немытая пиписька и черные светящиеся глаза. Когда посмотрю в эти глаза, когда прижмусь к той вон косточке на руке, в ту самую минуту одолеет меня татарчонок; и мысли нет, что этот безродный муслим недостоин моего богатого тела, моей национальной гордости. Моей национальной гордости хватает ровно на три минуты, которые я трачу на стриптиз, чтобы тверже был Ахметка в намерении своем. Я бы-

ла под русскими – отвратительны русские, была под евреями – потеют обильно, а вот безродный муслим с черными глазами милее мне, чем даже шведский король Густав.

Я делала все, как было приятнее господину моему. О, господин мой! Кто ты, скрывающийся за личиной сопливого татарина? Вижу! Вижу тебя! Вон светлая тонкая проволока дрожит в черноте глаз твоих. Вижу! Над ровными долинами словно пленкою колыхается тело твое со звездами на нем и луною, и где-то в разорванном теле твоём шуршит вселенский сквозняк, гоняя по щелям солону. Лишь бы семя твое пролилось на плодородную почву лона моего, и, о! как тяжелы будут повозки земледельцев, собирающих урожай. Ну!.. И еще!.. Со свистом и гиканьем проносятся казаки шашками через ворота мои, и падают случайные птицы, задетые в незадачливом полете своем.

Потей, мой Ахметка, говори мне о Никейском Соборе, пукай, какай. Чем я могу порадовать господина моего? Я могу принять кал его и пот его, семя его и ложь его, я могу распустить всю Вселенную его, ибо в моих руках свободная нитка пряжи, которой окончил он вязание свое. Вот, я вижу, что близко уже высвобождение, и стрекают белые проволоки твои. В черном черепе твоём – сушеный фрукт. И, о! как легко высвобождается тело, и легкой показалась посевная земледельцам твоим!

И я, и Ахметка, словно жирные черви этой кисельной земли. Мы ворочаемся в блестящей жирной глине. Что это было? Явный хозяин Вселенной срезал слой, и я должна беречь его и понести от него. Милый мой татарин, дай руку мне, чтобы я не оскользнулась, ибо теперь мне есть что разбить.

В Бердичеве кончился дождь. Евреи гниют в синагоге, русские блюют в землю, поминая Христа.

Я пошла было из дому, да, чай, взглянула на татарчонка – в том месте теперь стояли плотные кожаные кресла, и вокруг стола велась беседа. Кожаная кнопка говорила запаху воздуха, что есть две дрожащие проволоки, будто кто задевает их, что есть еще места, где в двух углах светятся два бога. Один из них, с любовью узнаем мы, Христос, а другой – Папа Его. Они сложены в такие два угла до востребования. Вот еврей называет бога своего, и чистый

одор заполняет комнату его, вот русский, наблевав, ползет по канавам до храма своего, и тело Христа вздрагивает и разворачивается, будто то был рулон бумаги.

Ох, Ахметка! Когда истлеет тело твое, вспомни Бердичев золотой, вспомни крыло неплотное, два воздуха, жижу человеческую, разрез на небе. Вспомни и прости род человеческий, что не видят тебя, что хвост и песок – все очарование их Господом их. Вот понесла я от тебя, защитника твоего от жизни вечной и кромешной, и имя ему...

КОНЕЦ

Консервная банка земного шара

I

Собственное имя мое Моисей. Немногочисленные друзья зовут меня Миша. Миша Губерман. Мама моя, урожденная Ружьёва, вышла за папу Бермана по необходимости. Человек он был обязательный, имел связи самые разнообразные. Мог, например, за просто устроить мне фамилию Губерман по документам, как только узнал, что однокашники дразнят меня: «Берман-Губерман». Он доказал мне, что по фамилиям называли друг друга молодые декабристы и честь их в результате нисколько не пострадала, и что самым верным будет превратить реальность в действительность, а вовсе не настаивать на зыбком различии их, равном слогу «гу». Папа научил меня правильно относиться к телу и его проявлениям. Его отношение к таким вещам было конструктивным, то есть он воспринимал их как необходимые элементы конструкции, что не мешало ему оставаться жутким засранцем, пахнущим за версту собственной неопрятностью. Он долгое время жил отдельно, но вдруг притащился, как только узнал о горе в семье, а именно – о моей болезни, вернее, болезни моего тела, которое не желало расти, но лишь уменьшаться.

Он пришел красавцем врачом с хорошей практикой, специалистом по маленьким людям, хотя для всех это было неожиданностью, поскольку папа оставил нас будучи молодым и гордым знатоком маркшейдерского дела. Через некоторое время он появился в щегольской философской шапочке и с книгой в руках. Вот книга моя.

Трансцендентальное мироощущение полабских славян. После говорили, что он сектант и скрывается. А после, что пойман и расстрелян. Тем временем стала проявляться моя болезнь. Времена были беспокойные. Как-то мамуля возвращалась домой и напоролась на милицейский заслон. Что такое? Проходите, проходите. Мосгаз. В Напрудном переулке. Мосгаз, убийца старушек и детей, запихавший, по слухам, пятнадцать убиенных в унитаз, пойман не был, а вот мамуля получила от сожителя горячую оплеуху

за неприготовленный кусище мяса. Мне к тому времени стукнуло пятнадцать, а по росту я еле-еле совпадал с десятилетней сестренкой. Был повод для беспокойства. Зрелость моя брала свое. Девушки еще поглядывали на эти до смешного красивые глаза, серые и строгие, на ровные, в одну прямую, брови и на гордость мою – пухлый, великолепно очерченный фиолетовый рот, и, однако, те же девушки пиксились, когда приходилось оставаться наедине и показывать глупые свои бабьи мозги такому недоростку. Вся семья приходила в восторг от рассказов про девиц, у которых я ходил в фаворитах. Мамуля только расстраивалась через некоторое время и уже серьезно думала о медицине. А потом появился папа.

Он прошел в мою комнату, походкой, какую ходили продовольственные комиссары, выявляя кулаков. Сел. Закурил. Вот, значит, как.

Потом ели грибной суп и пили водку из глазных ванночек. Вообще, история глазных ванночек в России складывалась достаточно благодатно, чем не могут похвастаться кружки Эксмарха и не так давно появившиеся на медицинском рынке суспензории.

– Вот, значит, как... Гипофиз. Интересно.

На следующий день он пригласил погулять, поговорить и небольшое время посвятил объяснениям своих разработок в области изменения деятельности гипофиза и вытягивания костей при помощи тренажеров и герметических знаний.

– Хотя, ты знаешь, сын, будь у меня такая штука, я бы работал ее себе на пользу и людям в радость. Будь у меня такая штука, я бы нашел, как ее работать. Понимаешь ли, иногда выгодно быть безглазым, глухим, иметь негнущиеся ноги, руки, слабый позвоночник, букет болезней, приковать себя к инвалидной коляске. В этом случае возможно получить тайную власть и пользоваться ею во благо вселенски организованной энтропии. Знаешь ли ты, кто есть такой Архитектор?

– Нет, папа.

– Архитектор, он же Главный Конструктор, есть небывалая сущность, перед которой вся эта вязаная материя – тлен, хвост и песок. Потянуть за ниточку – и распустишь. Это как бы капро-

новая сума для картофеля. Например, череп Адамов, мозг Адамов и функция Адамова. Попробуй-ка представить себе, что к чему привязано. Вот. Посмотри.

Он свинтил перстенок-намизиничник и присел. Перстенок, с которого рубинами смотрела Адамова голова, был белого металла. Рубины выражали явную, но не определимую словами идею. Такую какую-то грусть и торжество в то же время. Наверное, такими глазами провожал бы случайную ракету брошенный на далекой планете космонавт.

– Видишь эту тоску? Это тоска по нам с тобой, по всем следующим поколениям. Потому что ему все было известно про нас. Про нас и про сети матерьяльные, про их клетки, по которым вынуждены мы передвигаться, кто как может. Видишь? Видишь эту тоску? Смотри, смотри! Она сподвигнет тебя.

Папа говорил еще долго. Скамейка под нами вспотела до крайности, и я слушал уже только потому, что боялся поднять зад, предполагая темное пятно на брюках. Тем временем сгустился воздух и на небе стали появляться маленькие дырочки, как если испытывать на просвет старую ветошь. Пора домой. Папа сказал, что сегодня переночует не дома, но, если я хочу, он дойдет со мной до подъезда, даже скорее до подъезда, а завтра утром зайдет поговорить ещё, и о том, что я думаю и что решил после всего им сказанного, хотя понял я ровно половину, а именно понял я папину заинтересованность, чтобы рост я не менял, и если менял, то в маленькую сторону.

Мама сказала: «Не верь этому сукину сыну». И расплакалась.

2

Сейчас, когда я пытаюсь найти общий язык с существом или существами, населяющими то пространство, в которое занесло меня любопытство, вся эта история с папой, с его появлением в нашем доме, представляется мне заранее спланированной этими самыми существами. Во всяком случае, в... условно назовем это «белый сводчатый зал». В «белом сводчатом зале» специальным знаком, который бы я назвал «призрачная догад-

ка», они намекнули, что возможность такая присутствует в реальности.

Самым трудным было начало. Мы пытались использовать в качестве понятий язык химических элементов, вкусовые ощущения. Были попытки использовать «наитие» и галлюцинации. Но ни одна из попыток не привела к пониманию. Вернее, все эти попытки выстраивались в ряд ошибочных языков, которые, может быть, и могли бы существовать самостоятельно, но в применении к нашим индивидуальностям и условиям, в которых эти индивидуальности существовали, такие языки напоминали скорее трепет осинового листочка, чем полномасштабные средства общения.

Наконец было найдено универсальное понятие, означающее одновременно и «да» и «нет». Его можно было прочувствовать, но не обозначить каким-либо известным нам способом. Это понятие включало в себя согласие с существованием друг друга и невозможность контакта в привычных для нас условиях. Оно стало отправной точкой этого особого языка ощущений. Когда меня выбрасывало из мира наших встреч, это происходило слоями сознания, то есть иногда возвращался вкус, но не было понятно, кому он принадлежит, или вдруг я чувствовал, что обладаю силой Железного дровосека, но не знал, существует ли хоть что-то, к чему эту силу можно приложить.

Знаешь, в какой стране мы живем? Он достал консервную банку, на этикетке была нарисована Рос& розовая корова, она была нанесена на всю этикетку и занимала ее собой. И вот по телу коровы шли ярко-красные четыре буквы: М Я С О.

Он завел две кошки. Сначала одну, потом та родила дочь. Вот, их стало две. Он их назвал Всегда и Никогда. Во сне о его голову бьется грустное море грузин&

Резо и Магда

– **Боль** и отчаяние. И безмерная тоска по вымирающему человечеству. Время движется прямолинейно, и если есть чему-то начало, то вот виден уже и конец. Еще недавно ближайшей проблемой, почти неразрешимой, была запущенная наука в учебном заведении, а сегодня это смерть от холода, того вселенского холода, который отделяет небесные тела друг от друга. Но и холод этот тоже не вечен, и он имеет начало во времени, и, стало быть, исчезнет, и как скоро это произойдет, неведомо никому из живущих ныне. Но очевидно, что случится это, как смерть, неожиданно. Так неожиданно заканчивается все приятное в жизни. И вот я говорю тебе в этот момент, что люблю тебя. Я мучаюсь ужасно, если тебя нет рядом, но и если ты рядом, я мучаюсь, потому что небытие коснется и тебя, и ты, молодая и красивая, станешь морщинистой старой ворчуньей, которую я уже не смогу так сильно любить, и умрешь, и если это произойдет раньше, чем умру я, то как же горько будет мое страдание, каким глубоким будет чувство безысходности! А оно глубоко уже сейчас. И я, хотя говорю тебе, что люблю, я прекрасно понимаю, что у нас нет будущего и мы не можем верить друг другу, словно нищие, которые лгут по не зависящим от них причинам. Вот именно! Я не могу дать тебе слово, потому что смерть нарушит его. И мне нечего тебе предложить, потому что я нищий. И я не знаю, как выбраться из этой нищеты!

Молодой еще человек говорил все это тихим голосом юной девушки. Они сидели на кладбищенском камне, древнем и в трещинах, сквозь которые пробивалась трава. Пасмурное небо, казалось, висело над всей планетой и даже над далекой солнечной Южной страной. Да, необычным выдался этот день. День невозможной любви. Резо (такое уж имя носил человек) поднялся с камня, оправил свой знаменитый на всю Северную страну голубой плащ и зажег сигарету. Девушка улыbnулась.

– Я не знаю, что ответить тебе, Резо. Мне хорошо с тобой, но мне хорошо и без тебя. Да. Мне просто хорошо с тобой,

и я не смогу изменить свою жизнь только для того, чтобы все время быть с тобой. И, однако, я очень ценю те дни, которые мы проводим вместе. Мне не нужно тебе верить, потому что я не хочу от тебя никаких клятв. А если я захочу сделать себе еще раз хорошо с твоей помощью, то приду к тебе, и ты меня не прогонишь. Даже если ты свяжешь жизнь с кем-либо еще, ты меня не прогонишь, когда я приду к тебе.

– Да, милая Магда, я не прогоню тебя, когда ты придешь ко мне, но я и не стану искать тебя, чтобы делать тебе хорошо. – Все это время в руке Резо тлела сигарета, которую он так и не покурил. Пепел отвалился от ее кончика и упал на колени к Магде. Она тут же встала, и пепел покотился по ее теплому платью и, сорвавшись с него, лег на сухую траву. Она облизала палец и нагнулась, чтобы приклеить к нему пепел.

– Видишь, Резо, этот пепел? Мне было приятно приклеить его к пальцу, но меня никак не беспокоит, что он упал с твоей сигареты. Ты и пепел никак не совмещаются в моем сознании.

Резо плюнул на сигарету и бросил ее в траву. Он остановил взгляд на глазах девушки. Его лицо выражало некоторую готовность, которую Магда поняла как готовность идти с кладбища. Магда взяла его руку и слегка потянула к себе.

– Давай посидим еще пять минут на этом старинном камне, прежде чем расстаться, – и она сделала такое лицо, так улыбнулась, что стало очевидным существование какой-то тайны между ними, о которой не было сказано ни слова. Резо ответил на эту улыбку. Он вновь сел на могильную плиту, посадив к себе на колени Магду. Он пошлепал ладонью по камню, как бы говоря: «Вот, здесь лежат останки двух людей». Затем он добавил вслух:

– Эти люди умерли в разное время, в разных странах, но лежат вместе, потому что история их любви тронула сердца многих людей. Их имена совпадают с нашими. Видишь? Магда и Резо. В те времена, когда они жили, люди воспринимали время как вечность, не понимая, что вечность не имеет начала и конца, тогда как время имеет. Магда и Резо говорили друг другу о вечной любви, но время разлучило их. Я позвал тебя сюда, чтобы на их могиле ты почувствовала, что время не только разлучает, но и соединяет,

что время заставляет изменять и изменяться, тогда как вечность, вернее, в вечности люди соединены навсегда, хотя бы потому уже, что существуют фактически. Мы расстанемся сегодня, но это ли не значит, что мы уже встретились. Видишь, на камне написано: «Магда и Резо, любившие вечно». Тот, кто заказал такую надпись, сильно ошибся. Вечность не имеет прошедшего времени.

Резо поцеловал голову Магды, так, словно это уже не была голова живого человека, но голова той Магды, лежащей под землей, и сам страшно побледнел.

Через несколько минут они шли по кладбищенской аллее, оживленно и безмятежно беседуя о вещах отвлеченных, но в этих вещах и содержалась тайна, связавшая двух совершенно разных людей. Как будто не было разговора у могилы, и слова те говорились только для мертвых давно Резо и Магды.

С тех пор Магду и Резо видели всегда вместе. Они путешествовали по Северной, Южной, Восточной и Западной странам, которых и было-то всего четыре на той небольшой планете, где случилась эта история. Они умерли в разное время, в разных странах, но были похоронены вместе, вот только где, никто уже не помнит, так как произошла эта история в древние-древние времена.

Есть очевидные вещи, о которых, однако, не принято говорить. Очевидно, например, что существование нашей вселенной ограничено началом и концом, но также и условиями, в которых она существует. Между абсолютным вселенским холодом и скоростью света расположен наш мир, и в этом мире, остро чувствуя его близкую размотку, на маленькой планете в Северной стране жили Резо и Магда. Климат постоянно напоминал им о мизерном расстоянии от поверхности планеты до края атмосферы, натянутой, словно кожа, на скалы Северной страны, и они ценили вечное тепло других измерений, которое изредка пробивалось слабым намеком через границы существования их мира.

Однажды Магда и Резо решили отправиться в Южную страну, где на высоком небе по ночам всегда горели звезды, а днем оно терялось так высоко, что южане выглядели всегда надменно, хотя на самом деле были добрым и мечтательным народом; где перед теплым морем отступали засуха и голод.

Сумки, готовые в дорогу, стояли в коридоре их небольшой квартиры в городе Шпитау, что в ста километрах от столицы Северной страны. В лучах осеннего солнца летали пылинки, и Резо смотрел на них, сидя за кухонным столом перед пустой тарелкой. Казалось, что ничего не происходит. Магда мыла посуду, но подозрительно долго все терла и терла одно место на блюде, словно пыталась смыть надоевший узор. Резо протянул ей свою тарелку, но Магда даже не взглянула в его сторону.

– Наш поезд через два часа отойдет с Южного вокзала, милая Магда. Нам надо спешить. Оставь все как есть. Закончишь, когда мы вернемся. И перестань находиться в зазоре между реальностью и тем, как ты ее себе представляешь. Подумай лучше о паруснике с мачтами до неба, о чайках, следящих за каждым движением твоей руки.

– Мне перестало быть хорошо с тобой, Резо, – ответила Магда и, слабо улыбнувшись, поднесла палец к губам. Резо поднял брови, задавая немой вопрос, и получил в ответ кивок Магды. Он тоже кивнул, и они рассмеялись.

– Она опять здесь? – спросил Резо.

– Кто?

– Действительность. И ты опять пыталась ее обмануть?

Магда кивнула.

– Я могу помочь тебе. Я буду помогать тебе обманывать действительность всегда.

– Но разве это хорошее дело?

– Да, любимая. Потому что между реальностью и действительностью существует великая разница. Реальность обмануть нельзя. Реальность развивается по физическим законам, тогда как действительность – по человеческим.

– Но ты хочешь сказать, что человеческий закон...

– Да, милая Магда, я хочу сказать, что человеческий закон иногда можно обмануть. Если тебе в какой-то момент плохо со мной, по человеческому закону ты должна найти этому причину и изменить отношение ко мне, однако реальность позволяет тебе обмануть этот закон. Например, ты можешь изменить свое сознание.

– Например, мыслью о том, что мы опоздаем на поезд?

– Но разве ты не видишь нас в поезде?

– О, да! Я вижу нас в поезде!

Поезд в Южную страну выглядел жалко. Каждые три дня ему приходилось пересекать пустыню, и песчаные бури порядком пообтерли его бока. Маляры в депо давно перестали покупать краску, поняв, что всю пустыню им не перекрасить. Пассажиры наглухо закрывали окна и томились несколько часов в душных сумерках. В эти часы поезд был единственным существом, способным продвигаться в пустыне. Сразу за ней начинались горы с длинным тоннелем, так что казалось, что поезд, выезжая из Северной страны, попадает в Южную по бесконечно длинному подземному ходу; и тем радостней было ощущение, когда из горы грохоча вырвался старый состав, словно снаряд из артиллерийского орудия, летящий в веселом военном небе. Он как будто

зависал над искрящимся морем и взрывался уже позже в городе всеми своими вагонами. Безумные падали с неба, словно коршуны, в густую толпу и взлетали с кровавой добычей.

СОДЕРЖАНИЕ

Имя жанра	5
I	
«Слабая, словно больное растение...»	9
«Посмотришь на небо — там звезды одне...»	10
«Купил я Ленина карманного...»	11
«0, как мне дорог центр города...»	12
«Здравствуй, дедка дорогой!...»	13
«Что-то сверкнуло над нами!...»	14
«Не понимай слова. Не стоит...»	15
«Она ломала коржик!...»	16
«Она стыдливо прошептала...»	17
«Бывало, дернешь за чеку...»	18
Из антологии	19
Бытовая сцена	20
Сказка про рыбака и русалку	22
Сказка про князя Галицко-Волынского	24
ПЕСНИ	
1. «Сидят два мальчика...»	26
2. «Я бежала, ах, бежала...»	28
3. Плясовая	29
4. Песенка-напевалочка	30
5. «И горя щеками яркими...»	31
6. Девичья песня	33
Частушка	34
ЛЮБОВНЫЕ СМЕРТОУБИЙСТВА	
1. «Не ходи, мой милый, милый!...»	35
2. «Стрелялись мы с любимым другом...»	36
3. «Входи, входи, желанный...»	37

4. «Вот расстались мы с тобою...»	38
Такая любовь	39
«Искать и находить ей рот...»	40
«Гой-ты-еси, наковальня!...»	40
«То было в яркий летний день...»	41
«Ты нагнулась над речкой с тазами...»	42
Восточное	43
«Ты рисовала ручкой...»	44
«Видишь? По комнате девица мечется...»	45
«Они были юны, они повстречались...»	46
Подражание Афанасию Фету	47
Отрывок	48
«Моя тоска была остра...»	49
«Светит солнце, греет землю...»	50
II	
«На серебряных цепочках...»	53
«Тук-тук, тук-тук...»	54
«Голубыми синяками...»	55
«Какая разница в кого?..»	56
«Гореть глазами...»	57
«Прозвенели часы...»	58
«Уходят тучи...»	59
«Еще мне долго будет сниться...»	60
«К голове моей прибывает...»	61
«Дышу ли я салатом мирным...»	62
«Молчать и курить папирску...»	63
Предложение	64
«Столбик на поляне — это заяц...»	65
«Когда в любви возникла трещина...»	66
«Бывало подлость совершаю...»	67

«Кружился, кружился мартовский снег...»	68
Возьмешь с собой!	69
«Я боюсь — твои острые взоры...»	70
Плач Иезии	71
«Куски любви. Ее кусочки...»	72
«Я видела известного поэта...»	73
«Нас давно уж нет на свете...»	74
«Я сдвинул книгу на край стола...»	75
«Он трубку положит...»	76
«Я берегу свое безделие...»	77
Дидактический сонет	78
«Этот старый гамак я тебе показал в назиданье...»	79
«Мне лепет мой седых бородачей...»	80
«Ты помнишь? Над городом стая летала...»	82
«В воздухе влажность вечерняя...»	83
Охотник	84
«Словно болтики, словно шурупики...»	85
«Я сторожу. Я здесь на посту...»	86
Кража	87
«Мы кого-то поджидаем у калитки...»	88
«Ты настороже: кто-то не ушел.»	89
«Менять сандали на патроны...»	90
«В небе снег, в земле сольца...»	91
ПЕСЕНКИ	
«Мне маманя не велела...»	92
«Мама, я люблю Хичкока!..»	93
«Я полюбила коммунисты...»	94
«Пошла-ка я поплакаю...»	95
Песня о Кукурузнике	96
Подражание Я. (Зеленому)	97

«Не было просителя...»	98
«В лесу замолкли коростели...»	99
«Лежала мать моя в овраге...»	100
«До пояса обнажена...»	101
Баллада	102
Украина	103
Сережа	104
Дворовая песня	105
Девяносто девять щелей	106
«Вместо ног у ней колеса...»	107
Басня	108
«Все на земле вздувается не даром...»	109
«Ноздря, ноздря — дыра убогая...»	110
«В одном лесу, когда стемнело...»	111
«Катилась и прыгала...»	112
«Ветер качает, холод морозит...»	113
«Тихонько что-то у виска стучало...»	114

III

РАССКАЗЫ О ЧЕХОВЕ

Смерть Машеньки	117
Непрошенные гости	122
Воробей по кличке Чехов	128
Торжество пяти прорабов	135
Бутерброд с асфальтом	138
Дева на Бердичеве	140
Консервная банка земного шара	143
Резо и Магда	147
XXX	150

В П О Э Т И Ч Е С К О Й С Е Р И И

проект о·г·и·

книжный центр • галерея • клуб

В Ы Ш Л И К Н И Г И

А . Н А Й М А Н

«**СОФЬЯ**»

*

Т . Р и з д в е н к о

«**Д**ля Рождества, для букваря»

*

М . Г р о н а с

«**Д**орогие сироты,»

*

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

проект о·г·и·

книжный центр • галерея • клуб

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

И. ПОМЕРАНЦЕВ

«**С**емейное положение»

*

К. МЕДВЕДЕВ

«**В**сё плохо»

*

Д. ВЕДЕНЯПИН

«**Т**рава и дым»

*

Идея серии:

Д. Борисов, Н. Охотин

Художник серии

С. Митурич

Компьютерная верстка:

А. Черпаков

Корректоры:

Л. Хмельнова, Н. Юдина

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3

Тел./факс: (095) 229-55-48

e-mail: perm@ogi.ru

ЛР № 065416 от 22.09.1997

Клуб «ПРОЕКТ О-Г-И.»

Москва, Потаповский пер., 8/12, стр. 2

Тел./факс: (095) 927-57-76

Формат 60x84 1/16

Тираж 1000 экз.

Бумага офсетная № 1

Печать офсетная

Гарнитура OfficinaSerif

Объем 10 печ. л.

Подписано в печать 14.02.02

Заказ № 501

Отпечатано с оригинал-макета

в типографии «Момент»

г. Химки, ул. Нахимова, 2

**Андрей
Турнин**

Что-то свернуло над нами!

Что-то свернуло, чему б это быть?!

С острым концом и двумя сторонами,

Что-то свернуло, и нет его — ыть!

поэтическая серия **клуба «проект о.г.и.»**

проект о.г.и.
книжный центр галерея-клуб